Шпионский роман

Автор:
Борис Акунин

Шпионский роман

Борис Акунин

Жанры

Весна 1941 года. Накануне большой войны германская разведка проводит сложную, многоходовую операцию, цель которой убедить советское руководство: нападения не будет. Задание поручено агенту экстра-класса под кодовым именем «Вассер». Сумеет ли советская контрразведка разгадать игру виртуозного шпиона? «Шпионский роман» – часть проекта Бориса Акунина, который пробует создать классические образцы всех существующих подвидов беллетристики.

Борис Акунин

Шпионский роман

Пролог

Гениальная свинья

В мраморном кабинете с красными стенами у палисандрового письменного стола сидели три человека.

Двое молчали, один говорил – сначала медленно, будто через силу, то и дело устало потирая пальцами набрякшие веки, потом все громче, энергичней. Наконец вскочил, принялся расхаживать вдоль стола, стремительно разворачиваясь на каблуках и помогая себе жестами нервных рук. Голубые глаза наполнились сиянием, голос звенел и вибрировал, щека дергалась в гневном тике, но рот оставался безмятежным и таил в углах тень мечтательной улыбки.

Слушатели (один из них был в черной адмиральской форме, другой в серой генеральской) отлично знали, что чередование вялости и напора, шепота и крика, языка цифр и вдохновенного камлания не более чем прием профессионального оратора, и всё же поневоле ощущали на себе магию этой странной, известной всему миру полуулыбки.

Говорил диктатор могущественнейшего государства Европы, самый обожаемый и самый ненавидимый человек на Земле.

Слушали начальник военной разведки и его заместитель, вызванные в Рейхсканцелярию на секретное совещание, от исхода которого зависела жизнь и смерть десятков миллионов людей.

Но человек с неистовыми глазами и улыбчивым ртом говорил не о смерти, а о счастье.

– …Счастье германского народа, его будущее поставлены на карту. Еще две недели назад казалось, что положение наше незыблемо, а перспективы грандиозны. Но югославская авантюра наших врагов заставила меня приостановить подготовку «Барбароссы». Пришлось спешно тушить пожар, возникший в тылу. Маловеры зашептались, что время упущено, что осуществление плана придется отложить на следующую весну. И что же? – Пальцы стремительно ухватились за кончик острого носа, с силой дернули за маленький колючий ус. – Я преподнес миру очередной урок, я раздавил югославскую армию за одну неделю! Военная операция началась 6 апреля, а сегодня, 12-го, ее можно считать триумфально завершенной. – Короткая пауза, подбородок мрачно опустился, на лоб упала длинная косая прядь, голос сник. – …Но переброска тридцати дивизий с востока на запад, а потом с запада на восток заставляет терять драгоценное время. Нанести удар 15 мая, как предусматривалось планом, не удастся. Генеральный штаб докладывает, что теперь нам никак не начать раньше второй, а то и третьей декады июня. Главный вопрос – сумеем ли мы в такие жесткие сроки, до начала зимы,

выполнить поставленные задачи: уничтожить основные силы Красной Армии и выйти на линию Архангельск – Волга. Мы рассчитывали на пять месяцев, а остается только четыре. Мне говорят, что именно этого украденного месяца нам не хватит для окончательной победы. Быть может, лучше в самом деле дождаться следующего года?

Подрагивающая рука сделала неуверенный жест, потерла висок. Плечи согнулись, словно под бременем тяжкой ответственности, глаза скорбно закрылись.

Теперь пауза получилась долгой – пожалуй, на полминуты.

Начальник разведки, человек еще не старый, но совершенно седой, осторожно покосился на своего помощника. Тот слегка поморщился, что означало: решение всё равно уже принято, к чему эти театральные эффекты?

Рейхсканцлер вскинул голову – в широко раскрытых глазах светилась непреклонная воля.

– Господа умники не понимают простой вещи! – Рубящее движение сжатого кулака. – Лавина, обрушившаяся с вершины, не может остановиться. Всякий, кто попытается встать на ее пути, погибнет. Движение – победа, любая остановка – крах. Да, в общей сложности мы потратим на Югославию целый месяц. Теперь «Барбаросса» становится еще более рискованным предприятием. Но я знаю, чем мы компенсируем потерю времени. До сих пор мы делали ставку на военный перевес: человеческий, технический, стратегический. Подготовка большевиков к обороне нас не пугала. Наоборот, мы хотели, чтобы они сосредоточили на границе как можно больше сил – тогда мы уничтожили бы Красную Армию первым же натиском. Но теперь схватка с хорошо подготовившимся противником слишком рискованна: мы не можем увязнуть в приграничных боях, а потом вести долгое преследование потрепанного, но не сломленного врага. Удар должен быть не только сокрушительным, но и, – многозначительная пауза, – неожиданным.

Адмирал и его заместитель, не сговариваясь, слегка подались вперед. Лица остались непроницаемыми, но рука генерала непроизвольно коснулась правого уха – после давней контузии оно не очень хорошо слышало.

Остановившись, диктатор смотрел на них сверху вниз.

– Да-да, господа, вы не ослышались. Удар должен застать врага врасплох. В сложившейся ситуации фактор внезапности обретает первоочередное, даже решающее значение.

Кашлянув, начальник разведки тихо сказал:

– Но это совершенно исключено, мой фюрер. Мы ведем подготовку к восточной кампании уже несколько месяцев. На границы России, от Балтики до Черного моря, выдвигается пять с половиной миллионов солдат, тысячи самолетов и танков. В истории еще не бывало войсковых перемещений такого масштаба. Мы не ставили себе задачу скрыть наши приготовления от НКВД. В любом случае это было бы нереально. Какая же тут может быть внезапность?

– Не знаю! – Лицо рейхсканцлера было каменным, скрещенные на груди руки больше не дрожали. – На этот вопрос мне ответите вы. И не позднее чем через 24 часа. Абвер для того и создан, чтобы решать невозможные задачи!

– А если задача окажется не имеющей решения?

Чем громче и жестче говорил фюрер, тем мягче и приглушенней звучал голос адмирала.

– Тогда я откажусь от «Барбароссы»… – По лицу диктатора пробежала судорога. – Я не поставлю судьбу Рейха на слишком слабую карту.

Фюрер порывисто наклонился, положил адмиралу руку на витой погон.

– Но вы решите мне эту задачу, я вас знаю. Точную дату удара я назначу лишь после того, как вы гарантируете мне внезапность. На боевое развертывание войскам понадобится десять суток. Значит, число «Зет» – это день вашего рапорта плюс десять дней… Всё, господа. Идите, думайте.

Руководители разведки медленно поднялись. Окинув взглядом их помрачневшие лица, рейхсканцлер пожал плечами, снисходительно обронил:

– Я дам вам ключ. Цельте в Азиата, прочее несущественно. И вот еще что. Без прусского чистоплюйства. Я санкционирую любые меры, любые. Лишь бы был результат. Итак, через 24 часа вы дадите мне решение. Или его будут искать другие.

И великий диктатор склонился над бумагами, давая понять, что совещание окончено.

Адмирал и генерал молча шли через анфиладу помпезных залов, облицованных порфиром, – мимо белокурых охранников лейбштандарта, под растопыренными крыльями имперских орлов, венчавших гигантские бронзовые двери.

У Западного подъезда Рейхсканцелярии, на Воссштрассе, ждал черный «опель» – не очень новый и в отличие от соседних лимузинов не надраенный до ослепительного сияния. Адмирал не любил внешних эффектов.

Заходящее солнце окрашивало гранитные ступени ровным кармином. Руководители Абвера спустились по ним в строго иерархическом порядке: впереди начальник, за ним в почтительном полушаге заместитель, тоже седой, сухопарый, сдержанный в движениях – этакая тень своего начальника, разве что заметно выше ростом, но тени в этот предвечерний час и полагалось быть длиннее оригинала. Однако, опустившись на сиденье, отгороженное от шофера звуконепроницаемой стеклянной перегородкой, генерал перестал изображать субординацию.

– Как тебе это нравится, Вилли? – зло сказал он и забарабанил пальцами по колену.

– М-да, – неопределенно ответил адмирал.

Помолчали, глядя один влево – на окна мертвого британского посольства, второй – направо, где сразу за мрачным зданием прусского министерства культуры располагалось посольство СССР.

Лимузин повернул на Унтер-ден-Линден, где вместо знаменитых, недавно вырубленных лип торчала шеренга мраморных колонн с орлами и знаменами.

– А что скажешь ты, Зепп? Машина чистая, утром проверяли, так что можешь не осторожничать.

Долго упрашивать генерала не пришлось. Он процедил:

– Свинья. Пошлая самовлюбленная свинья. Слава Богу, мне приходится любоваться на него реже, чем тебе.

– Свинья-то он, конечно, свинья, – согласился адмирал, – но гениальная. И, главное, чертовски везучая. В прошлую войну мы возились с Сербией четыре года, а он справился за одну неделю. Давай смотреть на вещи трезво. После революции Германия превратилась в навозную кучу, и без такого вот борова нам из дерьма было не вылезти.

Заместитель с этим, кажется, был согласен. Во всяком случае, тон из злобного стал брюзгливым:

– Лучше бы мы увязли в Югославии месяца на два. Тогда вопрос снялся бы сам собой, а так получается ни то ни сё. От новой победы свинья только пуще распалилась, еще больше уверовала в свою звезду.

– А может быть, у него и в самом деле счастливая звезда? – философски заметил адмирал.

– Может быть. Но я не звездочет. Я специалист по информационным и дезинформационным стратегиям. А также хирург узкоспециального профиля.

Начальник улыбнулся, оценив метафору.

– Ну так займемся своим делом, Зепп, а движение звезд доверим Господу Богу.

«Опель» уже выехал на набережную Тирпица, где в здании Верховного командования находился кабинет начальника разведки. Четверть часа спустя старые товарищи сидели в уютных креслах друг напротив друга и пили густой восточный кофе, сваренный алжирским слугой адмирала. На коленях у шефа Абвера блаженствовала любимая такса Сабина, в плотных трикотажных

трусиках малинового цвета. У нее начиналась течка, и хозяин забрал Сабину из дому, чтобы не волновать кобелька Сеппля.

Кабинет адмирала был полной противоположностью мраморного зала, в котором разведчиков принимал рейхсканцлер. Довольно тесная, скромно обставленная комната создавала ощущение покоя и домашности. Висевшие на стенах фотографии (прежние руководители разведки, а также личный друг хозяина генерал Франко) были похожи на портреты родственников. Даже географические карты на стенах не столько наводили на мысли о геополитике, сколько будили воображение, заставляя думать об экзотических морях и дальних странствиях – этому способствовала и морская форма обитателя кабинета, и модель крейсера, стоявшая на письменном столе.

Был на столе еще один необычный предмет, хорошо знакомый всему центральному аппарату, – три бронзовые обезьянки: одна закрывала лапками рот, другая уши, третья глаза. Адмирал потянулся, рассеянно погладил всю троицу по головкам – была у него такая привычка в минуту особенной сосредоточенности.

– В Абвере считают, что это символ разведки: умей смотреть, умей слушать и знай, о чем надо помалкивать, – сказал генерал. – Но, по-моему, хороший разведчик должен держать глаза и уши всегда открытыми, а рот использовать, чтобы морочить противнику голову.

– Разумеется. – Адмирал почесывал Сабине длинное бархатное ухо – такса жмурилась, как кошка. – Мой обезьянник – не символ разведки. Это напоминание самому себе о заповеди буддизма, без которой нельзя достичь Просветления: не созерцай Зло, не внимай Злу, не изрекай Зла.

Заместитель хмыкнул:

– Извини, Вилли, но на праведника ты не похож. Не тот у нас с тобой род занятий.

Улыбнулся и начальник:

– Я не настолько самонадеян, чтобы считать себя воином Добра. Я давно живу на свете, но ни разу не видел, чтобы Добро вступило в единоборство со Злом. Всякий раз одно Зло воюет с другим Злом. Поэтому, дружище, у меня никогда не было особенного выбора. Но я горжусь тем, что всегда был на стороне Меньшего из Зол. Во всяком случае, искренне в это верил, продолжаю верить и теперь…

Хозяин говорил не спеша, размеренно, генерал лениво ему кивал, но думали оба совсем о другом, что и стало окончательно ясно, когда адмирал безо всякого перехода, не меняя интонации, вдруг сказал:

– Каково, а? «Я откажусь от Барбароссы». Ни черта он не откажется, просто через 24 часа назначит вместо нас с тобой других исполнителей. А может быть, пускай назначит?

Генерал слушал внимательно, но пока помалкивал.

– Нет, не годится, – сам себе ответил адмирал. – И дело не в том, что такой оборот событий чреват для нас с тобой серьезными личными неприятностями. Беда в другом: никто кроме нас этот ребус не решит. Напридумывают какой-нибудь ерунды, и свинья ее заглотит, потому что отступать не может и не хочет. Тогда вместо короткой войны мы получим длинную, во сто крат худшую. Как сказал мудрец: «Неприятность лучше несчастья, а несчастье лучше катастрофы». Опять я оказываюсь на стороне Меньшего Зла, в противовес Злу Большому.

Заместитель крякнул.

– Вилли, ты слишком любишь философствовать. Пора сформулировать условия задачи.

– Что ж, попробуем, – кротко развел маленькими ручками адмирал. – Мы должны добиться того, чтобы русские, как говорится в их же пословице, видели деревья, но не сообразили, что это темный лес, в котором прячутся зубастые волки.

– Пословица звучит не совсем так, но это неважно.

– А раз неважно, то не перебивай меня, – огрызнулся начальник.

Перепалка, впрочем, была не всерьез. Адмирал продолжил:

– Итак, русские видят перед собой две сотни готовых к наступлению дивизий, но при этом должны быть твердо уверены, что Германия на них не нападет.

Он красноречиво пожал плечами.

Заместитель подхватил:

– Прибавь к этому, что советская разведка наверняка уже пронюхала о существовании плана «Барбаросса», что она ежедневно получает тревожную информацию из ста различных источников. Как тебе известно, НКВД активно восстанавливает свое немецкое направление и занимается этим мой старый знакомый, противник весьма и весьма опасный.

– «Чем сложнее препятствие, тем меньше позора при неудаче», – процитировал адмирал еще одну восточную мудрость. – Начнем с очевидного. Пункт один: дипломатия. Риббентроп должен активизировать тайные переговоры с Молотовым о стратегическом союзе Германии, Советского Союза и Японии. В качестве первого шага японцы подпишут с большевиками пакт о нейтралитете. Курировать дипломатов будет отдел «Ауслaнд». Пункт два: бумажный тигр…

– Как мне надоели твои восточные цветистости, – пожаловался генерал. – Что еще за тигр?

– Англия. В публичных речах и особенно на закрытых совещаниях Фюрер должен имитировать параноидальный страх перед непокоренным Альбионом. Эта роль у нашего парнокопытного отлично получится. Генштаб займется срочной разработкой броска через Турцию в Иран и на Ближний Восток, к Суэцкому каналу, чтобы перерезать пуповину, соединяющую Лондон с главными колониями. Работа будет проходить в обстановке строжайшей секретности, но с тщательно спланированными утечками. Курирует операцию отдел Абвер-1. Идем далее. К каждой воинской части в группах армий «Север», «Центр» и «Юг» прикомандировать английских и арабских переводчиков. Этим займутся Абверштелле приграничных округов. Далее. Мы произведем массовую заброску агентов в Иран – через советскую территорию. Прикрытие обеспечит группа

«Ост». С пунктом два вроде бы всё, переходим к пункту три: «Волк! Волк!» Прости, Зепп, – вскинул ладонь адмирал. – Я забыл, ты не любишь аллегорий. Я имею в виду притчу про шутника, который кричал «Волк! Волк!», и в конце концов ему перестали верить. Будет несколько ложных тревог: сначала русские получат информацию о том, что мы, несмотря на югославскую канитель, все-таки ударим 15 мая; потом – что война начнется 20-го, потом – что 1 июня. Вброс информации мы осуществим через известных нам советских агентов влияния, чтобы дискредитировать их в глазах Москвы. Эту разработку буду вести лично я. Ну, как тебе?

– Как гарнир неплохо, – протянул генерал, глядя в сторону и быстро помаргивая. – Но что такое картофельное пюре и кислая капуста без хорошего куска мяса?

– Согласен. Для успеха нужен некий финальный штрих, точное туше, нанесенное в правильно рассчитанный момент. И только тогда, в случае успеха этой акции, можно будет назначить точное число и час наступления. А в случае провала – всё отменить… – Адмирал прищурился, вглядываясь в лицо своего заместителя, который, казалось, его не очень-то слушал. – Ага. По усиленному морганию вижу, что твои мозги уже заработали. Ну-ка, ну-ка.

– Знаешь, Вилли, свинья действительно гениальна. – Генерал сосредоточенно потер подбородок. – Он в самом деле произнес ключевое слово. Слушай.

Собеседники наклонились друг к другу, и генерал быстро-быстро заговорил, едва поспевая за мыслями. Из-за спешки он проглатывал слова и целые куски фраз, но адмирал схватывал на лету, энергично кивая. Такса беспокойно завертела головой, взвизгнула, соскочила на пол.

Начальник и заместитель постоянно обрывали и перебивали один другого, но это совершенно не мешало ходу дискуссии. Они сейчас находились в своей стихии и больше всего, пожалуй, напоминали двух джазистов в самый разгар джем-сешна.

Если кто-нибудь посторонний подслушал бы этот сумбурный разговор, то вряд ли что-нибудь понял.

– Роль личности в истории, – бросал реплику один.

– «Суха теория, мой друг», – понимающе кивал второй.

– Как сделать, чтоб за деревьями не увидели леса? Да очень просто! – восклицал генерал.

– И нечего распыляться, – вторил ему адмирал. – А то разведка, контрразведка, НКВД, НКГБ, «Служба связи» – черт ногу сломит… Пустая трата времени!

С четверть часа поговорив подобным невразумительным образом, собеседники откинулись на спинки кресел и удовлетворенно задымили сигарами.

– Что ж, концепция есть, – пыхнул синеватым дымом Адмирал. – И неплохая.

Генерал был более категоричен:

– Единственно возможная.

– Вероятность успеха?

Подумав, заместитель сказал:

– Пятьдесят процентов.

– Что ж, не так мало. Наша везучая свинья, бывало, ставила и на меньшее. Надеюсь, ты понимаешь, Зепп, что в случае проигрыша расплачиваться придется собственной шкурой?

– Разве в нашей профессии когда-то было иначе? – небрежно дернул плечом генерал. – Только в прежние времена перед тобой клали револьвер с одной пулей, а теперь подвесят на мясницком крюке. В сущности, невелика разница.

Оба весело рассмеялись, настроение у старых приятелей было отменное.

Адмирал погасил сигару.

– Ну хорошо. А кто? Здесь всё зависит от исполнителя. Это должен быть агент экстра-класса, иначе пятидесяти процентов может не получиться. Твое мнение?

– «Вассер», – уверенно сказал генерал. Было видно, что этот вопрос он уже обдумал.

Начальник разведки изменился в лице. Кашлянул раз, другой. Помешкал, подбирая правильные слова.

– Зепп, дружище, ты же знаешь… Когда ловят на живца, шансы последнего, мягко говоря, невелики. Особенно если наживка благополучно проглочена. Право, это чересчур. Ты же не фанатик.

Складки на сухом лице заместителя сделались резче.

– Я не фанатик, но я уважаю свое ремесло. И я в любой момент готов расплатиться по счету всем, что имею. В том числе жизнью. Уверяю тебя, «Вассер» из того же теста. Это что касается эмоций. А теперь по делу. Я готовил агента «Вассер» к чему-то подобному много лет. «Вассер» идеально подходит для поставленной задачи по всем параметрам – и по личным качествам, и по выучке, и по легенде. Говорю это совершенно объективно. Давай поставим вопрос так: кто, если не «Вассер»?

Они долго молча смотрели друг на друга. Лицо генерала выглядело совершенно бесстрастным, адмирал же явно был взволнован.

– Ты прав, Зепп, – сказал он в конце концов и снова откашлялся. – Ты лучший из лучших. А «Вассер» – оптимальный выбор. Пожалуй, мы можем рассчитывать не на пятьдесят процентов, а на все шестьдесят.

Глава первая

Чистый нокаут

– По корпусу больше работай, не открывайся, и без фокусов, а то знаю я тебя, портача, – бубнил в затылок Васильков.

А Егор его не слушал. Во-первых, заливал Васильков – не знал он Егора, потому как работал в клубе без году неделя. Во-вторых, слаб он против прежнего тренера, дяди Леши. Это ж надо, перед самым чемпионатом засадили дяде Леше строгача и отстранили от работы за политическую близорукость – брат у него оказался вредитель. В-третьих, был этот Васильков какой-то суетливый, дерганый. Ну а насчет «фокусов» и «портача», это, извините, вообще хреновина на постном масле.

Понять Василькова было можно. Коллектива толком не знает, репутации еще не заработал, а показатели – хуже некуда: всех ребят одного за другим на отборочных повысаживали, один Егор дошел до полуфинала. В прошлом году динамовцы золото взяли, бронзу, еще три места в первой десятке, а в нынешнем вон срам какой, скандал невиданный.

– Ты, Дорин, главное дело, помни: берешь чемпионат Москвы – считай, уже мастер спорта. Это я тебе гарантирую. А в июне финал Союза, сам соображай, – морально стимулировал Васильков, но характер до конца не выдержал, закончил жалобно: – Егор, ты это, ты не подведи, а?

– Не кирпичитесь, товарищ старший лейтенант, всё будет ажур-бонжур, – отмахнулся Егор и на секунду замер перед занавеской, готовясь выйти на публику.

Правильно появиться перед залом – это настрой, это заявка. Вроде эпиграфа к литературному произведению. Зрители сразу должны увидеть: этот выдерет победу зубами, сдохнет, а не уступит. Ну и начинают уважать. А настроение зала вмиг передается противнику. Короче, целая психология.

Вышел Егор красиво: в халате (красно-белом, заграничном), на шее синее полотенце. Легкой, пританцовывающей походкой поднялся на ринг, а судья-информатор бубнил в микрофон:

– Чемпион спортивного общества «Динамо» во втором среднем весе перворазрядник Егор Дорин. 35 боев, 29 побед.

«Из них 14 чистым нокаутом», – мысленно прибавил Егор, для большей веры в победу.

Скинул халат секунданту. Поиграл бицепсами, потом грудными, тряхнул чубом.

Стрижка у него была особенная: сзади и по бокам под ноль, а спереди отпущена длинная пшеничная прядь. Когда откидывал ее со лба, получалось эффектно.

Зритель сегодня преобладал вражеский. Здесь, во Дворце физкультуры Авиахима, у армейцев тренировочная база, так что территория это ихняя. Динамовских пришло мало, сидят кучкой, неуютно им. А Егору нормально. Когда зал колючий, это еще лучше. Повышает бойцовские качества.

Он нарочно улыбнулся публике во всю физиономию, предъявил свои замечательно белые зубы. Драил он их порошком «Лампочка Ильича» два раза в день, минимум по пять минут. Потому что хорошую улыбку и девушки любят, и начальство ценит.

– Поскалься, поскалься, – крикнули из первого ряда. – Серега тебе сейчас кусалки пересчитает!

Егор поморщился на бескультурье, но ни ответом, ни даже взглядом не удостоил, тем более уже объявляли соперника, да поторжественней, чем динамовца:

– Двукратный призер чемпионатов СССР, мастер спорта Сергей Крюков! 40 боев, 31 победа! Спортивный клуб Рабоче-Крестьянской Красной Армии!

Зрители заревели, захлопали, но Егор на них не смотрел, весь сконцентрировался на противнике. Сейчас, в считанные секунды, оставшиеся до гонга, нужно было определить главное – тактику боя. Каждое движение, взгляд, мимика – всё важно.

Если противник нервничает, проявляет хоть крохотулечные признаки неуверенности – на такого нужно с первой же секунды обрушить яростный натиск, чтоб морально подавить, заставить смириться с поражением.

Гораздо опаснее вялые, сонные. Эти зануды, настроенные на прочную оборону, никогда не рискуют, берут на измор. Все шесть проигранных боев (пять по очкам, один, эх, нокаутом) Егор уступил таким вот аккуратистам. По счастью, в средней категории их сравнительно немного – они чаще встречаются среди тяжеловесов.

Сергей Крюков, как сразу определил Егор, принадлежал к третьей разновидности – живчик. Подпрыгивал на месте, кусал губы от нетерпения, тряс головой – короче, рвался в драку.

На живчиков у Егора была своя тактика, с ними он сам превращался в аккуратиста.

– Бокс!

Первый раунд Дорин провел в глухой, осторожной защите. Армеец наскакивал, молотил и справа, и слева, но ни разу толком не достал, несколько касательных не в счет. Егор не ответил ни разу, нарочно.

Публика орала, подбадривала своего, робкому динамовцу свистела и шикала.

В перерыве вовсю трепыхался Васильков – нес какую-то чушь, но Егор его не слушал. Наблюдал за противником. Кажется, парень крепкий, непохоже, что устал. Это плохо. Матч пятираундовый, выдохнуться Крюков не успеет. Значит, надо скорректировать тактику.

Во втором раунде Дорин сильные удары отбивал, а пару-тройку слабых пропустил. Краем глаза следил за часами. За десять секунд до конца подставился скулой под правый хук и рухнул.

Зрители все повскакивали, Васильков, бедолага, схватился за голову. Но на счете «восемь» ударил гонг. Вроде как спас динамовца.

Тренер уже ничего не говорил, только вздыхал да безнадежно качал головой. Вообще-то стоило бы продуть бой, чтоб Василькова турнули из клуба и взяли обратно дядю Лешу. Только ведь не возьмут.

В третьем раунде противник думал только об одном – как бы поскорей дожать недобитка. Про защиту забыл напрочь. Пару раз открывался так, что можно было ему неплохо влепить, но стопроцентной уверенности в нокауте у Егора не было, а простым нокдауном он только поломал бы весь замысел. Крюков скумекал бы, что его дурят, и встал до конца матча в глухую оборону, а по очкам его было уже не догнать.

Наконец армеец подставился как следует, и тут уж Дорин не сплоховал, провел исключительно культурный удар – левый прямой в переносицу.

Крюков как лег, так больше и не встал. До зрителей не сразу и дошло, что всё, кино закончилось, зажигайте свет.

Пока объявляли победу, пока рефери задирал Егору руку, тот наскоро осмотрел зал – на предмет проблемы кадров.

Кадры присутствовали, и один был очень даже ничего: рыженькая, сидела рядом с лейтенантом-танкистом, но смотрела не на кавалера, а на победителя, и правильно смотрела – с восхищением. В другое время Дорин обязательно бы на нее «спикировал» (в отношениях с прекрасным полом он обычно придерживался авиационной терминологии), и тогда держись, танкист.

Но сегодня кадры Егора не интересовали, приглядывался он больше по привычке. Потеря интереса, вероятней всего, была временная, не навсегда – до тех пор, пока будущий чемпион Москвы не разберется в одном феномене, у которого светло-русая коса до пояса и уникальные зеленые глаза.

Кое-как отбившись от горстки верных болельщиков, отодравшись от хлюпающего носом Василькова, Егор поспешил в раздевалку. Время было без пяти двенадцать, а в час он должен был подскочить на Таганку, забрать с дежурства вышеобозначенный феномен (существо в самом деле особенное, антропологической наукой малоизученное). Договорились сходить в филармонию на дневной концерт фортепианной музыки, а потом ехать к ней, в Плющево. Ради второго пункта программы Егор был согласен перетерпеть и

филармонию.

Пока мылился-полоскался в душе, напевал любимую песню: «Капитан, капитан, улыбнитесь, ведь улыбка – это флаг корабля». Размышлял при этом про зеленоглазую Надю, Надежду. От дверей доносился счастливый голос Василькова («В финале будешь с армейцем Павловым драться, Павлов боксер опытный, но я его манеру хорошо знаю, поработаем с тобой как следует, и сделаешь его, я тебе точно говорю, а не сделаешь, серебро тоже неплохо, но я считаю должен сделать, имеешь шанс…») – только мешал думать. Потом тренер умолк – Егор не придал этому факту значения. Но когда, вытираясь большим полотенцем, вышел, стало ясно, почему Васильков перестал производить звуковые помехи. В раздевалке его не было. Вместо тренера перед Егором стоял командир в кожаном пальто без знаков различия, однако по синему околышу на фуражке было ясно – свой, из НКВД или НКГБ. А потом пальто приоткрылось, Егор разглядел малиновую петлицу с двумя ромбами и поскорей натянул трусы, чтоб не трясти перед высшим комсоставом предметом личного пользования. Начальство наверняка пришло поздравить победителя от имени общества «Динамо». Спас Егор Дорин честь доблестных Органов, стопроцентно.

Фуражку командир держал в руке, было видно мощный бритый череп, белый косой шрам на виске.

Незнакомец разглядывал Дорина обстоятельно, с явным удовольствием. Оно и понятно: парень Егор был видный, особенно когда в одних трусах. Рост сто семьдесят пять, вес семьдесят три. На лицо тоже не урод, только нос малость кривоват – не от рождения, а на память о том самом единственном нокауте. Но мужчину такой нос, в принципе, только украшает. Для полноты картины Егор и белозубую улыбку обозначил, и чубом тряхнул.

Командир вообще-то и сам был хоть куда: немолод, но в васильковых глазах прыгают огоньки, подбородок будто из гранита, под носом чернеют ворошиловские усики. Еще Дорин разглядел в отвороте пальто значок «Почетный чекист», а на правой руке тонкую кожаную перчатку. Забыл снять? Или протез?

– Смотрел на вас и любовался, – улыбнулся бритый. Голос у него был приятный, сильный. – Умно деретесь, расчетливо. Это только в боксе или вообще – жизненная позиция?

Что-что, а производить впечатление на начальство Егор умел. Человек с двумя ромбами говорил культурно, сразу видно – из образованных, так что ответил ему Дорин соответственно:

– Бокс, товарищ командир, хорошая школа жизни. Как у Маяковского, помните?

Знай и английский,

и французский бокс,

Но не для того,

чтоб скулу сворачивать вбок,

А для того,

чтоб не боясь

ни штыков, ни пуль,

Одному обезоружить

целый патруль.

– Так себе стишата. У Маяковского есть и получше. Но идея правильная. – Бритый наклонил лобастую голову и вдруг обратился к Егору на немецком: – M?gen Sie Gedichte?[1 - Любите поэзию? (нем.)]

Выговор у него был чистый, можно даже сказать, идеальный. Дорин тоже постарался не ударить лицом в грязь, ответил на хохдойче:

– Ich kann immer noch die Gedichte, die ich in der Schule gelernt habe. Mein Ged?chtnis l?sst mich nicht im Stich.[2 - Что в школе учил, помню. На память не жалуюсь (нем.).]

Огоньки в синих глазах военного вдруг погасли.

– Немецкий-то у вас ученический, ненатуральный.

Тогда Егор перешел на диалект – не как учили в ШОНе, а как говорили в колхозе у дедушки Михеля:

– Ja mei, wir sind halt einfache Leut.[3 - Чего с нас взять, мы люди простые (бавар.).]

Огоньки снова зажглись.

– Dees iis aa schee![4 - Вот это здорово! (бавар.)] Вот это настоящий байериш, не соврала характеристика!

И стало тут ясно, что бритый читал служебную характеристику младшего лейтенанта Дорина. Хранится этот секретный документ в железном сейфе, куда Егору доступа нет. В Органах характеристики на сотрудников составляют не для отписки, как в обычных совучреждениях. Про общественную работу не пишут, лишь про полезные и вредные для дела качества. Дорого Егор дал бы, чтобы заглянуть в этот документ хоть одним глазочком, но это, как говорится, дудки. А вот синеглазого к ней допустили. Из чего следовало, что в раздевалку он пришел не поздравлять победителя, а по какой-то другой, гораздо более важной надобности.

Сердце у Дорина застучало быстрей, но виду он не подал, смотрел все так же открыто, улыбчиво.

– Откуда такое владение баварским диалектом? – спросил командир.

– От матери. Она у меня немка. И от деда. Ездил к нему каждое лето. Он председатель колхоза «Рот фронт», в Саратовской области. Бывшие немецкие колонисты. Они сто лет назад из Баварии переехали. Ну, в смысле, не они, а ихние предки.

– А отец ваш, Максим Иванович Дорин, кто был? В документах написано «из крестьян-бедняков». Как он с вашей матерью сошелся? Необычно: деревенский парень – и дочь колониста. Вы рассказывайте, рассказывайте, я не из пустого любопытства спрашиваю.

Понятно, что не из пустого, подумал Егор.

– Он тоже Саратовской губернии. На империалистической воевал, дали ему отпуск по ранению. Тогда они с матерью и встретились. Она еще совсем

девчонка была. Ну, полюбили друг друга. Дедушка Михель против был, так отец маму тайком увез, – наскоро рассказал про неинтересное Дорин. Главное-то про отца начиналось после революции: как он добровольцем в Красную Гвардию пошел, как комиссаром батальона стал, как его белоказаки в плен взяли и шашками зарубили.

Но про Гражданскую войну бритый слушать не стал. Сказал – и так знает, в характеристике этот героический факт отражен.

– А что ваша мать теперь? Она ведь в Саратове живет? Замуж не вышла?

– Нет. Отца очень любила. Долго по нему убивалась. А теперь куда ей замуж, старая уже – сорок два года.

На это командир улыбнулся.

– Вам, Дорин, сколько лет? Двадцать четыре?

– Осенью будет. Я, товарищ командир, 8 ноября 1917 года родился, – с гордостью сообщил Егор.

Тот понимающе усмехнулся:

– Понятно. Первенец новой эры. Ответственное звание.

Только теперь Егор разглядел, что в коридоре за дверью кто-то стоит – в щели мелькнул защитного цвета рукав с шевроном. Так вот почему за всё время разговора в раздевалку никто не сунулся…

– Поговорим, товарищ младший лейтенант? – показал бритый на скамейку. – Минутка найдется?

Спрошено было явно для проформы, и ответ мог быть только один.

– Само собой, – кивнул Егор, хотя времени до свидания с феноменом у него оставалось в обрез.

Натянул через голову фуфайку, сел.

– Не соскучились по настоящему делу? – спросил собеседник, и сердце снова скакнуло. – Напомните-ка биографию. Про детство и отрочество можете пропустить, начните прямо с юности.

– Ну что… – Дорин застыл, не дошнуровав ботинок. – В 35-ом закончил десятилетку, в Саратове. Поступил в Летную школу, я ведь аэроклубовский. Выпущен в 37-ом, с отличием. Служил в Киевском военном округе, в истребительном полку. Недолго. Подал рапорт в Испанию, прошел предварительный отбор, но вместо Испании попал в Школу Особого Назначения. В августе 39-го зачислен в Немецкий отдел Главного Управления Госбезопасности. Но отдел в сентябре расформировали, после Пакта о ненападении… Месяца два ждал нового назначения. Определили в спортобщество «Динамо» – у меня с Летной школы первый разряд по боксу. Уже полтора года здесь…

Рассказывая всё это, Егор чувствовал себя довольно глупо. Высокий начальник наверняка и так доринский послужной список отлично знал. Однако слушал очень внимательно, а смотрел так, будто рентгеном просвечивал.

– ШОН закончили в 39-ом? Курс Фонякова? Это когда экспериментировали с подготовкой агентов-универсалов?

– Так точно.

– Значит, радиодело изучали в полном объеме? Это хорошо. Даже отлично, – задумчиво пробормотал бритый и вдруг хлопнул Дорина по колену – Егор чуть не подпрыгнул. – Ну а теперь объясню про себя. Я начальник спецгруппы НКГБ. Спецгруппа носит кодовое название «Затея» и занимается… одной затеей. Пока вы не дали согласие на мое предложение, больше вам знать не положено. А предложение такое…

Он сделал паузу, и, кажется, специально – посмотреть, как тянет шею младший лейтенант, ловя каждое слово. Довольный реакцией, улыбнулся и перешел на «ты»:

– Мне нужен помощник для одной операции – аккурат такой, как ты: спортивный, быстро соображающий и, главное, с натуральным немецким. Сразу предупреждаю – операция рискованная, можно и гикнуться. Это единственная подробность, в которую на данном этапе обязан тебя посвятить. Имеешь право отказаться, мне принудительно-мобилизованные ни к чему. В этом случае про наш разговор забудешь, раз и навсегда. Ну, а если согласен, садимся в машину и едем. Жду ответа.

Егор открыл рот – и ничего не сказал. Еще сутки назад он подскочил бы от счастья и немедленно помчался бы за начальником спецгруппы, ни о чем не спрашивая. Он и сейчас был счастлив и согласен ехать с этим крепким, уверенным человеком на любое опасное дело. Если бы только не сию минуту. Хоть бы часик отсрочки – слетать на Таганку, предупредить. Но по пытливому взгляду командира было видно, что просить час на улаживание личных дел означало бы всё погубить.

Однако и обмануть Надежду после вчерашнего тоже было немыслимо. Позвонить к ней на работу нельзя, низший медперсонал, она говорила, к телефону не подзывают… Что же делать?

Егор снова открыл рот, сглотнул – и опять промолчал.

Глава вторая

Надежда

Тут вот какая штука.

Накануне вечером, в воскресенье, с Дориным произошла совершенно нетипичная история. В подмосковных Вешняках, после танцев в клубе «Железнодорожник», он познакомился с одной девушкой.

То есть в самом факте, что спортсмен с лихим чубом и сахарной улыбкой «взял на таран» очередную цель, ничего нетипичного, конечно, не было. Всё дело в девушке. Уж, казалось, всяких перевидал, весь фюзеляж в звездах, но такую

встретил впервые.

Хорошие логико-аналитические способности Дорина, в свое время отмеченные руководством Школы Особого Назначения, пока не пригодились ему в борьбе с врагом, но нашли-таки полезное применение, причем не только на ринге. Имелась у Егора своя методика «захода на цель» и «пикирования» – быстрая, результативная, почти не дающая сбоев.

Постоянной подруги у младшего лейтенанта не было. Как-то не возникло душевной потребности. А вот физическая потребность присутствовала, потому что в здоровом теле здоровый дух, который, в свою очередь, требует другого здорового тела. Задачка несложная, если имеешь голову на плечах. Ну и плечи, само собой, должны быть при этом не ватные.

По выходным Дорин обыкновенно «вылетал на барражирование» – ходил на вечера по самым что ни на есть бандитским клубам и хулиганским танцплощадкам. Пока шли танцы, стоял в сторонке, приглядывался: как тут с трудовыми резервами. Резервы обычно наличествовали, и даже в изобилии. Известно, для девушек любые танцульки что лампочка для мошкары.

Сняв с повестки дня кадровый вопрос, Егор выбирал где-нибудь поблизости подходящее место – темную аллейку, проходной двор или подворотню – и ждал.

После танцев девушки, которые без кавалеров, шли мимо маленькими стайками, а то и в одиночку, и к ним обязательно начинала клеиться местная шпана. Если человека два-три, Егора это устраивало. Если больше, он предпочитал не связываться.

Дальше ясно. Выждав, чтобы девушка начала возмущенно пищать и поминать милицию, Егор выходил из густой тени – в белых штанах, белых туфлях, белой рубахе (это если летом, а для осенне-зимнего периода имелась у младшего лейтенанта очень представительная бекеша). Накидать плюх доморощенным приставалам для чемпиона клуба «Динамо» проблемы не составляло. И всё, девчонка твоя. При таком сценарии ни одна не устоит, какая ни будь воображала. А воображалы среди посетительниц танцев встречались редко, это были всё больше девушки простые, без фанаберий. Такая многого от парня не ждет, и уговаривать ее долго не надо, если приглянулся. Притом иногда среди них попадаются ого-го какие.

Тут в чем плюс: совмещение приятного с полезным. Во-первых, удовлетворяется здоровое чувство, во-вторых, тренировка в условиях, приближенных к боевым. Конечно, сама страсть происходила не в «Метрополе» на перинах, а где придется. Бывало, что и на каком-нибудь чердаке или даже в кустах, но рай, как известно, бывает и в шалаше.

* * *

Вот и вчера всё начиналось точно так же. Посмотрел Егор в газете, где что. Увидел: в подмосковном клубе «Железнодорожник» лекция из цикла «Любовь и дружба в социалистическую эпоху», а потом танцы.

Прибыл в пункт назначения, произвел разведку на местности и сел в засаде, у забора.

Неподалеку, под фонарем, топталась подходящая компания – трое регочущих шпанцов в сапогах и ватниках.

Пока ждал, малость продрог. Весна в этом году выдалась на редкость поздняя и холодная. 19 апреля, а еще снег не весь сошел, по ночам минус, лужи блестят льдом.

Стоял, дышал на ладони, прислушивался к гоготу и мату. Разговоры у туземцев были подходящие. Один из них, которого остальные называли Рюхой, хвастался, что любую биксу в два счета завалит. Мол, случая не было, чтоб после танцев уходил не вдувши. Егора такая постановка вопроса устраивала.

Где-то неподалеку звенели колокола – негромко, но празднично, торжественно. Дорин вспомнил, что нынче, кажется, Пасха. Отсталые гражданки пожилого возраста в церквях свечки ставят, куличи святят.

Вдруг видит: идет девушка, одна-одинешенька, причем не из клуба, а с противоположной стороны. В руке у девушки белый узелок.

Рюха с дружками к ней вразвалочку, с трех сторон.

– Гляди, Вовчик, какая краля.

– Сеньорита, приглашаю станцевать танго.

– Цыпа, у меня руки замерзли, дозволь за пазухой погреть.

Короче, понесли жеребятину.

Девушка вправо, влево, назад – некуда деться, плотно обступили.

Но она ничего – не упрашивает, не кричит.

– Глазища-то, глазища, ишь сверкают, – сказал Рюха. – Пацаны, держите меня, я втрескался, падаю.

И правда сделал вид, что падает – повис у девушки на плечах.

Она его, похоже, стукнула, потому что Рюха заорал:

– Драться, лярва? Ты у меня щас выть будешь. – Толкнул девчонку в грудь, так что опрокинулась в сугроб, а сам навалился сверху.

На этом картина первая закончилась и началась вторая: те же и Зорро.

– Оставьте гражданку в покое! – подбегая, закричал Егор.

Уронил в сугроб одного, приложил об забор второго – те двое оказались сообразительные. Как поднялись, сразу дунули во все лопатки. Только с Рюхой пришлось повозиться.

Тот, вскочив с девушки, попробовал изобразить главную бандитскую коронку, «датский поцелуй», – это когда наносят три быстрых удара: правым кулаком в нос, левым локтем в солнечное сплетение, а коленом в пах. Этот подлый прием проходит, только когда врасплох, а против человека, готового к бою, он не работает.

Получив по сопатке, Рюха согнулся пополам и вдруг выдернул из голенища финку.

Махнул ею перед носом раз, другой. Прошипел:

– Всё, падла. Кранты тебе.

Баловства с холодным оружием Егор не одобрял и поступил с правонарушителем сурово. С бокса переключился на самбо, выкрутил Рюхе руку, да повернул так, что хрустнула кость. Пусть знает, гад.

Тот, взвыв, сел в снег, схватился за сломанное предплечье.

Теперь самое время было проявить галантность.

Егор нагнулся к девушке.

– Вы целы? Требуется медицинская помощь? (Он в такие минуты всегда говорил на «вы»).

Ничего ей хулиганы сделать не успели и никакая медпомощь, конечно, не требовалась. Просто хотелось получше рассмотреть. Вдруг уродина? Тогда можно будет сменить дислокацию и попробовать счастья сызнова, танцы-то еще не кончились.

Первое впечатление было: не красавица, но и не крокодилина. Личико худенькое. Широкий рот, в уголке родинка. А глаза и вправду огромные, сияющие – не соврал Рюха.

– Благодарю вас, со мной всё в порядке, просто очень испугалась. А вот этому человеку медицинская помощь необходима, – показала девушка на хулигана. – Вы сломали ему руку.

Встала, стряхнула с пальто снег, перекинула через плечо длиннющую косу.

«Интеллигенция», определил про себя Егор, потому что нормальные девушки таким тоном не говорят и выражений типа «благодарю вас» не употребляют. Ему сразу захотелось уйти в отрыв – охота была тратить время на цирлихи-манирлихи.

Но тут девушка его удивила. Бережно положив свой узелок, подобрала с земли выдранную заборную штакетину и подошла к стонущему Рюхе. Тот вжал голову в плечи, заслонился здоровой рукой, но девушка бить его не стала. Она переломила штакетину об колено и сказала:

– Дайте руку. Я наложу временную шину.

Приладила обе половинки прямо поверх ватника, прикрутила своим вязаным шарфом. Прикрикнула:

– И не нойте, сами виноваты.

Под фонарем было светло, и Егор разглядел, что кожа у нее белая-пребелая, как молоко. Длинные густые ресницы. Пальцы сильные, с коротко остриженными ногтями, без лаков-маникюров. А одета странно, не как современные девушки одеваются: длинное пальто с шалевым воротником, какая-то старорежимная шапочка.

Пока не решил, уйдет или останется – решил получше присмотреться.

– Теперь идите в травмопункт, – велела удивительная девушка. – Он должен круглосуточно работать.

Рюха шмыгнул носом, закряхтел, встал.

– Спасибо сказал бы, что ли, – сурово произнес Дорин.

Отойдя на безопасное расстояние, шпанец сплюнул.

– Барышне, само собой, спасибо. А тебе, гнида белобрысая, я еще железку в печень вставлю.

И побежал прочь, придерживая сломанную руку.

Началась картина третья: Зорро и спасенная дама.

Провожая взглядом побежденного неприятеля, Егор чувствовал, что девушка на него смотрит, глаз не сводит. Это было нормально.

– Вы врач? – обернулся он. – Или студентка на медицинском?

– Я санитарка.

– Даже не медсестра? – удивился он. – А чего не выучитесь?

Девушка на вопрос не ответила, вместо этого вдруг спросила:

– Зачем вы сломали ему руку? Нет, я понимаю, если бы это произошло во время драки, но я видела – вы сломали ее намеренно, когда он уже капитулировал.

Слово-то какое – «капитулировал», будто Франция в Компьене.

– Чтоб знал, гаденыш, как на людей ножом махать, – объяснил Егор.

– Вы что, жестокий?

В ее голосе прозвучала тревога, личико вытянулось.

– Ему же самому лучше будет. Привык силой действовать. Пусть походит месяц-другой в гипсе, поразмыслит над своей жизнью. А если б я был жестокий, то доставил бы его вместе с финкой в отделение, и впаяли бы ему два года. Железно.

Нож он подобрал, покрутил в руках – дрянь, обычная самоделка. Отломал рукоятку, зашвырнул в кусты.

– Как хорошо, что вы не жестокий. Это бы все испортило.

Она улыбнулась, да так ясно, с искренним восхищением, что сразу стало видно – Егор ей ужас до чего нравится.

Тогда-то он и решил: ладно, берем в прицел. Не Целиковская, конечно, но очень уж мирово улыбается.

– Меня Егор зовут. А вас?

– Надежда.

Предложил проводить.

Она нисколько не удивилась – словно это само собой разумелось. Взяла Егора под руку. То и дело поглядывала на него снизу вверх, помахивала узелком.

– Чего это? – спросил он.

– Пасха. И кулич. Освященные. Я в вешняковскую церковь ходила.

– Для бабушки, что ли? Болеет?

– Почему для бабушки? – удивилась Надя. – У меня нет бабушки, мы с папой живем.

– Что ж вы, комсомолка, а в церковь ходите?

– Я не комсомолка. А вы что, комсомолец?

И опять в ее голосе прозвучала непонятная тревога.

– Нет, – пренебрежительно пожал плечами Егор. Он уже полгода как стал кандидатом в члены ВКП(б), но с девушками о таких серьезных вещах предпочитал не говорить.

Она снова улыбнулась и так на него посмотрела, подняв свое худенькое личико, что Егору оставалось только наклониться и поцеловать ее в мягкие, удивительно

горячие губы. Надежда ломаться не стала, сама обняла его и тоже стала целовать – быстро-быстро, в лоб, в щеки, в подбородок. Егор от подобного натиска даже малость опешил. А она еще шептала: «Точь-в-точь, ну просто точь-в-точь».

– Что «точь-в-точь»? – спросил он, задыхаясь.

– Такой, как я представляла. – И снова потянулась к нему губами. А минуту, или, может, пять минут спустя, сказала. – Пойдем ко мне. А то я больше не могу.

Вот тебе и «интеллигенция».

Он и сам уже не мог, всего колотило.

– А далеко?

– Нет, тут рядом, в Плющево.

Схватила его за руку, и они побежали – по белой заснеженной дорожке, по хрустящим лужам. Льдинки разлетались из-под ног, сверкали в тусклом электрическом свете.

Остановились перед зеленым забором, гладко выструганным и очень высоким. Вошли в калитку.

В глубине темнел дом – с терраской, с резными наличниками, с башенкой. Обычная дача, каких под Москвой видимо-невидимо, но Егору она показалась каким-то сказочным теремком.

– А что папаша-то? – шепнул Егор, поглядев на неосвещенные окна. – Спит?

– Его нет, он на дежурстве.

– А соседи?

– И соседей нет. Мы одни тут живем. У папы еще в гражданскую войну квартиру забрали, а дачу оставили. Потому что он врач.

– Тогда понятно.

– У папы руки хорошие, он тут всё сам устроил – и водопровод, и канализацию, и сад разбил. Только телефона нет, здесь ведь не Москва – область. Чаю попьем?

Но чаю они не попили. Прямо там, на крыльце, снова стали целоваться. Потом она повела его по узкой лесенке наверх, в мезонин, и там была какая-то комната, какая-то деревянная кровать, и, кажется, луна в окошке, но Егор по сторонам не смотрел, не до того было.

Надежда оказалась девушкой страстной, нежной, ласковой. Можно сказать, повезло Дорину. Никогда еще он не чувствовал себя таким желанным, таким любимым. Ну и вообще – здорово было. С другими девчонками не сравнить.

Он и после тоже блаженствовал, когда уже всё закончилось. Лежал на спине, курил папиросу, она перебирала ему волосы, терлась о плечо щекой.

Потом вышла, и донесся звук льющейся воды. Хорошо, когда жилье с удобствами. И комнатка мировая. Чистенькая, с фотографиями на стенах, шкаф вон с книгами.

Тут папироса погасла, стал Егор чиркать спичкой – уронил коробок под одеяло. Пришлось зажечь лампу. А как откинул одеяло – обалдел.

Вот тебе на! А кидалась на него, будто опытная-разопытная.

– Я что у тебя, первый? – спросил он, когда Надя вернулась.

– И последний.

– Чего?

– Я еще в детстве придумала: у меня будет только один мужчина – такой, какой мне нужен. Смелый, красивый, а главное – благородный. Я полюблю его на всю

жизнь и всегда буду ему верна. Если же такого не встречу, пусть лучше никакого не будет. А увидела тебя, и сразу решила: это он.

Егору стало не по себе. Во-первых, как это так: увидела и сразу решила? Чокнутая она, что ли? Ну и потом, он-то ведь ничего такого для себя пока не решал.

Хотел сразу одеться и уносить ноги – мол, пора, срочные дела и всё такое. Но посмотрел в ее глаза – и не ушел.

– А откуда ты знаешь? Может, я не такой, какой тебе нужен?

Надежда снисходительно потрепала его по челке.

– Знаю, и всё. Ты смелый и благородный. Ты меня спас. Их трое было, и у одного нож, а ты не испугался и всех победил. Еще ты красивый. И глаза у тебя такие, как надо. Уж можешь мне поверить.

И смутился Дорин. Сделалось совестно.

– Да чего, – пробормотал он. – Подумаешь, трое. Я же спортсмен.

– И еще спортсмен, – сказала она.

Короче, Егор не только не ушел, но на всю ночь остался. И правильно сделал, что остался. А может, неправильно. Это как посмотреть.

Потом они говорили про разное – про что придется. Потом снова любились, даже еще лучше, чем в первый раз. Просто удивительно, такая интеллигентная девушка эта Надежда, а не было в ней совсем никакой жеманности.

Незадолго до рассвета заснули. Или, может, она не спала, а только он один.

Во всяком случае, когда Егор открыл глаза, Надежды рядом не было. В окошке синело небо, светило солнце, с крыши капало. Похоже, весна наконец опомнилась, взялась за ум.

Откуда-то снизу доносился звон ложечки о стакан, и гудел что-то неразборчивое густой мужской голос.

Дорин вмиг оценил ситуацию.

Вернулся папаша. Неожиданно – иначе Надя разбудила бы. Сейчас она проводит операцию прикрытия, а он, как порядочный человек, должен потихоньку сматывать, чтобы не срамить дочь перед родителем.

Однако это оказалось не так просто. Одежда была разбросана и в комнате, и в коридоре, и на лестнице. Например, свою бекешу на собачьем меху Дорин обнаружил на самой нижней ступеньке. Там же лежал второй сапог с галошей.

Оттуда было рукой подать до кухни, где дислоцировался предполагаемый противник, поэтому двигался Егор согласно науке бесшумного перемещения, которую изучал на первом курсе ШОНа.

– …Ты послушай эти их культурные новости, Надюша, – доносилось из кухни.

«ОТЧЕТ О ВТОРОМ ДНЕ ДЕКАДЫ ТАДЖИКСКОГО ИСКУССТВА

В помещении Большого театра Союза ССР состоялся общественный просмотр музыкального представления «Лола». Первое действие происходит у колхозной мельницы, где собралась передовая молодежь, чтобы повеселиться, поплясать и послушать шутки мельника-орденоносца Бобо-Набода и его закадычного друга Навруз-Бобо. Среди девушек – певунья Кумри, чья бригада завоевала первенство во время сева. Здесь же и ее возлюбленный пограничник Фирюз. Второе действие разворачивается в колхозной чайхане, где хлопкоробы устраивают праздник тюльпанов. Заканчивается торжество общим хором, прославляющим Великого Друга и Вождя Народов».

– Скоро будут ему молитвы возносить, вот увидишь. И это в Большом театре! Жалко, Петипа не дожил.

Об стол грохнул подстаканник, задребезжало стекло.

– Папа, тише! Ты его разбудишь! – услышал Егор голос Нади и понял, что конспирация ни к чему. Придется знакомиться.

Он надел сапог, бекешу положил на ступеньку и с приличествующим ситуации выражением лица (осторожно-нейтральное, почтительное) вышел на трудные переговоры.

У накрытого белой скатертью стола сидел пожилой мужчина с бородкой, как у Михаила Ивановича Калинина. Был он в пиджаке и галстуке, несмотря на домашние условия и восемь утра. В руках, как и следовало ожидать, желтела развернутая газета, поверх нее ехидно поблескивали очки. Ясно: папаша у нас – осколок прошлого.

– Здрасьте, меня Егор зовут, – сдержанно сказал Дорин, покосился на Надю и обмер – глаза у нее оказались поразительного зеленого цвета, вчера в темноте он не разглядел. Звезды, а не глаза. Он в них как окунулся, так и потонул, даже про родителя забыл.

– Викентий Кириллович. Очень приятно, – напомнил о себе папаша, и по тому как он протянул «о-очень», было ясно – ни черта ему не приятно, а совсем наоборот.

Не понравился осколку статный парень в зеленых юнгштурмовских галифе и малиновой ковбойке, на которой сверкали три значка: осовиахимовский, золотой ГТО и «Ворошиловский стрелок».

– Это и есть твой принц на корабле с алыми парусами? – обратился Викентий Кириллович к дочери. – М-да.

Надежда вся вспыхнула, но взгляда от Егора не отвела. Ну и он тоже смотрел почти исключительно на нее.

– Молодой человек, имени «Егор» в природе не существует. Это искаженное «Георгий», – гнул дальше свою недружественную линию родитель. – Да вы

садитесь, чаю попейте. А я пока газету дочитаю. Привычка, знаете ли, после ночного дежурства.

Надя налила чай, пододвинула хлебницу, блюдечко с колбасой. Сама села рядом, прижалась коленкой. Егор деликатно ел, слушал, как Викентий Кириллович читает вслух – не подряд, а так, на выбор.

Выбор у него был чудной. Нет чтоб почитать про новости социалистической индустрии или про конференцию Московской облпарторганизации – он выбирал всякую мелочовку, и в его исполнении звучала она как-то подозрительно. Завод «Совсоцпитание» осваивает производство растительного масла из крапивы и бурьяна. В сельхозартели имени Павлика Морозова свиноматка принесла 31 поросенка. Управление ЗАГС отмечает растущую популярность имен нового типа: Солидар, Цика (от ЦК), Черныш (в честь пролетарского писателя Чернышевского), Запоком (За победу коммунизма). Вроде ничего особенного, а в чтении Викентия Кирилловича выходило глупостью.

Но надо отдать папаше должное – в целом по отношению к дочкиному хахалю вел себя культурно, на скандал не нарывался. Хотя имел право.

Отложил газету, задал пару вопросов – из какой «Георгий» семьи, да где работает или учится.

Из рабоче-крестьянской, с вызовом ответил Дорин на первый вопрос. Про работу сказал коротко: физкультмассовая. С точки зрения Викентия Кирилловича бокс наверняка должен был считаться обычным мордобоем.

Потом папа с дочкой поговорили про служебные дела. Оказалось, оба работают в больнице имени Медсантруда, он там зав отделением ольфа… офта… короче, глазным.

– Что ж вы дочь в санитарках держите? – не выдержал Егор. – Учиться не отдаете? В институт или хоть в медучилище. Такая девушка, а на грязной работе, горшки за лежачими выносит.

– Ничего грязного в этой работе нет. Во время мировой войны великие княжны, и те не брезговали, – строго посмотрел на него Викентий Кириллович. – И напрасно вы думаете, что Надежда не учится. Еще как учится, у самых лучших

специалистов. В ваших институтах ей делать нечего. Там не профессии учат, а марксизму-ленинизму. Я Надюшу и в школу-то не пустил, дал домашнее образование. Слава богу, справки об освобождении от занятий мог сам выписывать.

Теперь сделалось понятно, почему Надя не такая, как все. Без школы росла, без коллектива, под гнетом родителя, махрового старорежимного контрика. Жалко Егору ее стало – не передать словами.

Заговорили про какого-то Моргулиса или Маргулиса, который обещает стать новым Фаерманом (кто такой Фаерман, Егор не понял, а Моргулис этот, судя по всему, работал вместе с Надей), но Дорину уже пора было бежать. Время к девяти, а в полдвенадцатого полуфинал. Пока доедешь, да надо переодеться, размяться. И так Васильков орать будет, что в общежитии не ночевал, режим нарушил.

Надя вышла проводить, прижалась к груди. Тогда и договорились про филармонию и прочее.

На прощанье она опустила глаза и тихонько так спросила:

– Ты правда придешь? Честное слово?

– Слово, – твердо ответил Егор.

Она дотронулась кончиками пальцев до его щеки, повернулась, убежала в дом.

Вот какая феноменальная девушка встретилась вчера Дорину. Как к ней не прийти, как обмануть?

То-то Егор, глядя на бритого, и сглатывал, то-то и молчал.

Глава третья

По системе Станиславского

Правая бровь командира – густая, золотистая – удивленно приподнялась, и одного этого движения было достаточно, чтобы Дорин вспомнил о примате общественных ценностей над индивидуальными.

– Я чего сомневаюсь: как я без формы-то? – моментально сориентировался Егор. – Непорядок получится. А форма в общаге. Мне только на Стромынку смотаться, и прибуду, куда скажете. Сорок минут туда, десять там.

Сам еще надеялся: если попросить у Василькова «эмку», успеет и Надю предупредить, и переодеться.

Но не вышло.

Золотистая бровь встала на место. На секунду в улыбке обнажились зубы – не хуже Егоровых, тоже белые, ровные.

– А-а. Я уж думал, ошибся в тебе. Со мной это редко бывает. Не надо форму. Для операции она тебе не понадобится. Экипируем в лучшем виде.

Протянул узкую, крепкую ладонь, пожал Егору руку, не снимая перчатки. Нет, все-таки не протез.

– Ну, раз согласен, давай знакомиться. Звание мое – старший майор госбезопасности. Должность, как уже сказано, начальник спецгруппы. Имя-отчество мое тебе не понадобится, на день ангела друг к другу ходить мы не будем. А фамилия у меня необыкновенная – Октябрьский. Когда-то давно была другая, обыкновенная, но в двадцатом году, по приказу Реввоенсовета республики, награжден почетной революционной фамилией. Времена тогда, Дорин, были интересные. Награждали не медалями и не путевками в санаторий, а чем придется: кого золотой шашкой, кого маузером, кого красными галифе, а меня вот фамилией. Самая лучшая награда за всю мою службу.

Тут старший майор как бы ненароком сунул руку в карман брюк, и кожаное пальто раскрылось. На шерстяном френче, кроме уже усмотренного Егором «Почетного чекиста», сверкали еще два Ордена Красного Знамени и Красная Звезда. Ого!

Хотя тон у товарища Октябрьского стал легким, полушутливым, но видно было, что он к младшему лейтенанту все еще приглядывается. Это пускай. Теперь, когда с колебаниями было покончено, Дорин смотрел новому начальству в глаза весело, без боязни.

– Жучков, машину! – крикнул старший майор в сторону двери. – А ты, Дорин, давай, надевай свою бекешу. Ехать надо, времени в обрез. – Он коротко вздохнул. – Безобразие, конечно, что я вот так, с бухты-барахты, непроверенного человека на важную операцию беру. С кадрами у нас плохо. Башковитых и спортивных парней в управлении пруд пруди, но с натуральным немецким беда. Расшугали всех, после Пакта о ненападении. Тебя вон в ШОН взяли, чтоб готовился к борьбе с немецким фашизмом, а потом не понадобился. Так?

Дорин кивнул, перекинул через плечо спортивную сумку.

Жизнь у младшего лейтенанта сложилась не так, как мечталось когда-то. Начиналось всё правильно, прямо по щучьему веленью: хотел быть летчиком – стал. В учебной эскадрилье по стрельбе шел первым, по технике пилотирования вторым, по матчасти третьим. Заявление в Испанию подал весь истребительный полк, а отобрали только Егора и Петьку Божко, который по стрельбе был вторым, а по пилотированию и матчасти первым. Только Петька-то в Испанию попал, а вот Егора из Первого отдела прямиком в ШОН отправили. Как показала жизнь – не шпионов ловить, а спортивную честь Органов отстаивать.

Машина ждала у служебного выхода, шоколадный «ГАЗ-73», красота. Октябрьский сел за руль, Дорина усадил назад, а Жучков, которого Егор толком и не разглядел, поместился в зеленую «эмку» и поехал сзади. Солидно ездил старший майор, с сопровождением.

Автомобиль он вел ловко, плавно, как профессиональный гонщик. Руки лежали на руле, будто отдыхали, и правая по-прежнему была в перчатке. Егор все время видел в зеркальце заднего вида глаза старшего майора. Вот, оказывается, зачем Октябрьский его назад определил – чтобы удобней было за лицом наблюдать.

– Вернулся я, Дорин, в управление после трехлетнего отсутствия. Стал группу комплектовать – хоть караул кричи. Раньше было полно отличных, боевых ребят из немецких антифашистов. А теперь никого, ни одного человека. Всех вычистили, дураки-перестраховщики.

Трехлетнее отсутствие?

Егор пригляделся к старшему майору по-особенному. Из репрессированных, что ли? То-то он не похож на нынешних начальников. Те всё больше жидковатые, рыхлые, и взгляд осторожный, а этот бронзовый, налитой, веселый. Будто из прежнего времени.

Октябрьский невысказанную мысль словно подслушал.

– Да, – кивнул. – Был репрессирован. Как многие. Но после прихода Наркома восстановлен в звании. Как не очень многие. А чтоб ты на меня впредь таких косых взглядов не бросал, предпочитаю по этому скользкому поводу объясниться – раз и навсегда. Работать нам с тобой хоть и недолго, но локоть к локтю. Моя жизнь будет зависеть от тебя, твоя от меня. А от нас обоих будет зависеть успех дела, что еще важней. Поэтому давай без недомолвок, на полном доверии. Времени притираться друг к другу у нас нету. Я-то про тебя уже много чего знаю, а ты про меня почти ничего. Есть вопросы – задавай, не робей. Хоть о моей персоналии, хоть о политике.

Робеть Егор отродясь не привык. А уж коли начальство предоставляет такую редкую возможность, грех не воспользоваться.

– На любую тему? – на всякий случай спросил он.

– Валяй на любую.

Ну, Дорин и спросил, о чем больше всего наболело:

– Товарищ старший майор, я чего в толк не возьму. Вот я в спортклубе служу, ладно. У нас всё тихо, мирно, только дядю Лёшу из тренеров сняли, брат у него оказался вредитель. Это понятно. Но вы мне объясните, что же это в центральном аппарате-то делалось? В тридцать седьмом, в тридцать восьмом? Я, конечно, тогда еще в органах не служил, школа не в счет, но откуда у нас в НКВД взялось столько шпионов и врагов? Или они не враги были, а ошибка? Сами говорите: немецких антифашистов зря убрали, вас вот зря посадили. Объясните мне, как коммунист коммунисту.

Ленинградка осталась позади, ехали уже по улице Горького, недавно перестроенной и невозможно красивой: дома многоэтажные, проезжая часть шириной чуть не с Москву-реку.

Глаза в зеркале стали серьезными.

– Объясню. Сам много об этом думал. Тем более времени для размышлений имел достаточно… Понимаешь, Дорин, органы государственной безопасности – они как хирургический скальпель. Должны быть острыми и стерильно чистыми. Чуть какой микроб завелся, или даже опасение, что может завестись – сразу надо обрабатывать огнем и спиртом. И правильно, что нас без конца шерстят. У нас, чекистов, особые права, но и особая ответственность перед народом и партией. Кому много дано, с того будет и много спрошено. Не хватало еще, чтоб мы поверили в свою неуязвимость и безнаказанность.

Он помолчал, дернул углом рта.

– Но конечно, много щепок нарубили. Больше, чем леса. Такая, брат, страна: дураков много. Их только заставь богу молиться – не то что лоб, всё вокруг расшибут. И подлецов тоже много, кто почуял шанс карьеру сделать или личные счеты свести… Вот я тебе расскажу, из личного опыта. Было это в двадцать первом году, на Тамбовщине, когда подавляли крестьянский мятеж.

– Антоновщину, да? Когда кулаки против советской власти восстали?

– Антоновщину. Только не в кулаках там было дело. Наши советские дураки с подлецами наломали дров, довели крестьян до последней крайности. Я тогда по деревням ездил, со стариками разговаривал – чтоб не велели мужикам в лес уходить. И говорил всюду примерно одно и то же. Не советская власть ваш враг, а прилепившиеся к ней подлецы. Они, гады, всегда к власти липнут. А как вскарабкаются на ответственную должность, сразу окружают себя дураками, потому что с дураками им ловчее. Но хорошая власть отличается от плохой тем, что при ней на подлеца и дурака всегда можно найти управу. Вы, говорю, не против советской власти бунтуете, она же вам землю дала, помещиков выгнала. Вам советские подлецы с дураками поперек горла встали. Так они и мне враги, еще больше, чем вам. Давайте их вместе в расход выведем. И что ты думаешь? Ездил я один, безо всякого оружия, а добрый десяток сел от гибели спас. Про подлецов с дураками – это даже неграмотному крестьянину понятно. –

Октябрьский поправил правой рукой зеркальце. По тому, как двигались пальцы, стало окончательно ясно: не протез. Может, он левую перчатку дома забыл? – Подлецы, брат, иногда высоконько забираются. И тогда могут очень много вреда натворить. Генеральный комиссар госбезопасности Ежов, паскуда, что сделал? Из 450 сотрудников аппарата разведки репрессировал 270, это 60 процентов! И всё лучших норовил. Ну а с немецким направлением, это уже дураки постарались. Хотели продемонстрировать Фюреру «добрую волю» – мол, раз у нас с немцами Пакт, то мы по Германии больше не работаем. И гляди, что получилось. Взялись за ум, да время упущено, кадров нет. Приходится чуть не с нуля начинать. Абвер же за эти годы вон как развернулся. Помню, в 35-ом у них было всего полсотни сотрудников. Ни с нами, ни даже с польской «Двуйкой» тягаться и не мечтали. А теперь у Абвера 18 тысяч агентов, ничего? Я же, руководитель ключевой спецгруппы, будто лейтенантишка, должен сам на операцию ходить, да еще нового человека с собой беру, потому что работать некому.

Рассердился старший майор от собственных слов, даже стукнул кулаком по рулю. А тем временем уже подъезжали к ГэЗэ, Главному зданию на Лубянке, где помещался центральный аппарат Органов внутренних дел и госбезопасности.

Дежурный записал Дорина в книгу, выдал разовый пропуск. Прошли боковым переходом – там, у лифта, тоже стоял часовой. Октябрьский показал ему удостоверение, про Егора сказал «со мной». Поднялись на седьмой этаж – снова пост. Но тут старший майор и показывать ничего не стал, просто кивнул в ответ на приветствие.

Как-то пустовато было в широких коридорах, из-за плотно закрытых дверей не доносилось ни звука.

– А где все? – спросил Егор.

– Рано еще. У нас режим курортный, – подмигнул Октябрьский. – Ночью работаем, утром дрыхнем. Лафа.

Кабинет у него оказался без таблички, только номер – 734. Просторный, с кожаным диваном, с большим, совершенно пустым столом, а из окна шикарный вид на Лубянскую площадь и Китай-город.

– Степаныча ко мне, – сказал старший майор в трубку одного из телефонных аппаратов (на столе их было четыре штуки, причем один, как заметил Егор, без наборного диска).

– Ты садись. Пока тебя снаряжать будут, поболтаем, принюхаемся друг к другу. Еще вопросы есть? Валяй, не стесняйся.

– Такой вот вопрос, товарищ начальник. Скажите, как мог вредитель Ежов на высокую должность попасть?

– Хитрый был очень, гад. Тихий такой, скромный. Солдат партии, верный ленинец, – тут старший майор присовокупил матерное слово. – Мало того что подлец, так еще в нашей профессии ни хрена не смыслил. Политиком себя мнил. – Он брезгливо поморщился. – А в Органах не политики нужны – профессионалы. Вот, скажем, заболел ты, надо тебе на операцию ложиться, опасную. Ты к кому предпочтешь – к ведущему хирургу или к секретарю больничного парткома? То-то.

– А товарищ Нарком? – совсем обнаглел Егор. – Он как? Профессионал или…?

– Профессионал. Даже посильней Ягоды, а тот был мастер своего дела, что бы про него теперь ни говорили. Наш Нарком – одна сплошная целеустремленность. Жесткий? Да. Жестокий? Безусловно. По понятиям 19 века, Толстого там с Достоевским и Надсоном, вообще чудовище и злодей. Только мы с тобой, Дорин, живем в веке двадцатом. Тут другие правила и другая мораль. Нравственно всё, что на пользу дела. Безнравственно всё, что делу во вред. Время нам с тобой досталось железное, дряблости и жира не прощает. Или враг нас, или мы его. А добрыми и жалостливыми станем потом, после победы.

Показалось Егору, что старший майор это не только ему, но будто и самому себе говорит. Рукой рубит воздух, лицо посуровело. И резко так:

– Еще вопросы?

Понял Дорин, что с рискованными темами пора завязывать – хорошего понемножку. Следующий вопрос задал такой:

– А какое вы мне, товарищ начальник, дадите задание?

Октябрьский рассмеялся, покрутил головой.

– Парень ты, я вижу, и вправду неглупый. Нахальный, но меру знаешь. А знать меру – это, может быть, самое главное качество в человеке.

Постучали в дверь. Вошел какой-то дед – по-домашнему в рубашке с подтяжками, на шее портняжный метр. Хмуро сказал:

– Здравия желаю. Этот, что ли?

– Этот, этот. Обмерь-ка его, Степаныч.

Степаныч кинул на Егора один-единственный взгляд.

– Чего тут мерить? Фигура стандартная. 48-й размер, 3-й рост. Нога у тебя, парень, сорок два? Ну и всё.

– Через сто двадцать минут чтоб было готово, – официальным тоном велел Октябрьский. – Выполняйте.

Старик вышел, а у Дорина внутри всё так и сжалось. Через два часа? Так скоро?

Октябрьский вышел из-за стола, на ходу подцепил стул, поставил перед Егором спинкой вперед. Сел, подбородок с ямочкой пристроил на скрещенные руки.

– Ну слушай, Дорин. Буду вводить тебя в курс дела. По порядку, от общего к частному. Вот тебе первый факт для осмысления. Скоро начнется война. С Германией.

Егор сморгнул. Что с немцами когда-нибудь воевать придется, это не новость, все понимают. Но чтобы «скоро»?

– Вопрос этот Фюрер решил еще прошлым летом, сразу после Франции. Войска к нашим границам фрицы стягивают уже несколько месяцев, не шибко-то и прячутся. Потому приказом Наркома заведено литерное дело с оперативным названием «Затея», для сбора данных о немецкой военной угрозе и работы на этом направлении. С этим ясно?

Дорин кивнул.

– Идем дальше. Факт номер два. По агентурным сведениям, Германия должна была ударить в середине мая. Поэтому наши агенты провели превентивную операцию в Югославии. Ну, ты, наверно, в курсе.

– Так точно. В газетах читал. Патриотически настроенные офицеры югославской армии устроили переворот и разорвали пакт с фашистами.

– Вот-вот. Переворот организовать – дело не столь хитрое. Думали, впадет Фюрер в истерику, кинет на Балканы свои дивизии от наших границ, да и увязнет хотя бы на месяц, на два. Тогда нападать на Советский Союз в этом году ему станет не с руки. Пока ноты-ультиматумы, пока войска доберутся до Югославии, пока повоюют, пока передислоцируются обратно – пол-лета и пройдет. Только недооценили мы Фюрера. Он не стал тратить время на дипломатию, ударил молниеносно, через десять дней после переворота. Еще за неделю расчехвостил всю югославскую армию. Знаешь, чем они югославам дух сломали? Зверской бомбардировкой Белграда. Пятьдесят тысяч убитых, все сплошь мирные жители. Раньше так не воевали. Чудовищно, но эффективно. После этого вся югославская армия, 340 тысяч человек, в плен сдалась. И что же мы в результате всей этой катавасии имеем? Полную неизвестность, вот что. – Октябрьский изобразил недоуменную гримасу. – Сидим, гадаем на кофейной гуще: нападет на нас в этом году Гитлер или передумал? Есть сведения, что он хочет сначала добить Англию, а с нами разобраться в следующем году. Правда это или дезинформация? Вот главный вопрос, на который должна дать ответ вверенная мне группа. От того, найдем ли мы правильный ответ, зависит решение ЦК и, в значительной степени, исход грядущей войны. То ли нам надо срочно бросать все силы на укрепление границ, сворачивать реорганизацию армии, закрывать долгосрочные проекты по созданию самолетов и танков нового поколения. То ли спокойно, не нервничая и не суетясь, завершить к весне 42-го

программу укрепления обороны, и тогда нам сам черт не брат.

Старший майор замолчал, давая слушателю возможность как следует вникнуть в сказанное.

– Ты, Дорин, не удивляйся, что я тебе, младшему лейтенанту, про большую политику толкую. Я у себя в группе статистов не признаю. Каждый сотрудник, даже привлеченный вроде тебя, обязан понимать не только свой маневр, но и общую картину. А также свою ответственность за происходящее. Страшную ответственность. Ведь что будет? Мы проведем работу, я выдам заключение Наркому. Нарком пойдет с нашим заключением к Вождю. Вождь примет решение. Ошибемся – наше социалистическое отечество может погибнуть. Осознаешь?

– Это какой нарком? – спросил Дорин. – Товарищ нарком госбезопасности или сам Нарком?

Октябрьский даже обиделся:

– Конечно, Сам.

В феврале месяце прежний НКВД разукрупнили на два наркомата – Внутренних Дел и Государственной Безопасности. К делению этому сотрудники еще не привыкли, да и было оно больше условным. Сидели под одной крышей, ходили по тем же коридорам, ездили в общие дома отдыха. Даже руководство не сменилось, просто бывший начальник Управления госбезопасности тоже стал называться «народным комиссаром». Чтобы не путаться, сотрудники называли его «нарком госбезопасности», а прежнего – просто «Нарком» или «Сам». По-правильному именовать главного чекиста страны теперь следовало бы «заместителем председателя Совета народных комиссаров». Недавно получил он это высокое назначение и курировал теперь не только Органы, но и еще несколько ключевых ведомств.

В общем, одно дело спецгруппа подчинялась бы товарищу наркому госбезопасности, и совсем другое – напрямую Наркому.

Егор, что называется, проникся.

– Факт третий. Противостоит нам Абвер, организация, про которую тебе рассказывать не нужно, в ШОНе у вас по этой замечательной конторе был специальный курс. Задача Абвера – заморочить нам голову. Если нападение решено отменить, они должны создать у нас прямо обратное впечатление, чтобы мы попусту растратили свои силы. Если сроки нападения остаются в силе, Абвер попытается убедить нас, что войны в этом году ни в коем случае не будет. Ребята они хитрые, изобретательные, работают, что называется, с огоньком. По традиции там много бывших морских офицеров, да и начальник, как тебе известно, адмирал. Что мне в их организации нравится – должности там распределяют не по званию, а по профпригодности, так что капитан или даже обер-лейтенант может оказаться главнее полковника. Важен не чин (он в конце концов зависит от возраста), а личные качества. Переиграть абверовцев будет непросто. Особенно если учитывать наш кислый статус-кво с кадрами.

Старший майор тяжело вздохнул. Что такое «статус-кво», Егор запамятовал, но на всякий случай понимающе кивнул.

– На этом обзор ситуации заканчиваю и перехожу собственно к операции. – Октябрьский оживился. Можно сказать, повеселел на глазах. – Вчера ночью поступила агентурная информация. 20 апреля в полночь, то есть сегодня, в районе Святого озера (это около Шатуры) с самолета будет сброшен особо важный груз. Посылка или человек, неизвестно. Однако то, что занимаются этим лично германский военный атташе генерал Кестринг и его заместитель полковник Кребс, да и сама близость выброски к Москве – свидетельство особой важности этой акции. Наш источник сообщает, что подготовка ведется с соблюдением чрезвычайных мер секретности. Принимать груз будет Решке, капитан Абвера. Он числится третьим секретарем посольства. Разведчик сильный, опытный. Досье на него толщиной с роман «Граф Монте-Кристо», а по содержанию даже увлекательней. Когда сам Решке берет на себя обязанности приемщика – это не шутки. Но и мы окажем самолету уважение, – хитро прищурился начальник спецгруппы «Затея». – С нашей стороны встречать его будет не какой-то капитанишка, а представитель высшего комсостава, по германским меркам генерал-майор. – Он с шутливой важностью постучал себя по петлицам. – Имею приказ Наркома: перейти от пассивного наблюдения к активным действиям. Давно пора.

– Что такое «активные действия», товарищ старший майор?

– Будем перехватывать. Хватит с фрицами менуэты танцевать, время поджимает. Перехожу на быстрый фокстрот, а также на танго «Я задушу тебя в объятьях».

– А это что такое?

– Сам увидишь, – интригующе улыбнулся Октябрьский и снова подмигнул. – Если груз с руками и ногами, встречать его будем мы с тобой, два чистокровных арийца. Само собой, при поддержке группы молчаливых товарищей. Так что роль у тебя ответственная, почти что главная.

Егор приосанился, всем своим видом показывая: «Не сомневайтесь, не подведу», хотя у самого противно дрогнули колени. Главная роль! Без репетиций, в незнакомой пьесе, да еще какой…

– Со словами роль или как? – спросил он, изобразив бесшабашную улыбку. – Память у меня отличная, с первого раза запомню, вы не беспокойтесь.

– Ты запомни, главное, вот что. Театр у нас профессиональный и даже академический, так что всяческая самодеятельность исключается. Импровизаций не нужно. По собственной инициативе рта не раскрывать. Если парашютист к тебе обратится, отвечать односложно, с певучим баварским подсюсюкиванием, как ты умеешь. Ты – мой помощник, соблюдаешь субординацию, ясно? Если я почувствую, что дело запахло керосином, дам команду «давай!». Тогда хуком – и в нокаут. Только гляди, не перестарайся, мозги не вышиби.

– Если так, то лучше апперкотом. Рычаг силы короче.

– Апперкотом так апперкотом, специалисту видней. Однако я надеюсь, до этого не дойдет.

Дорин не спускал глаз со старшего майора, ожидая продолжения инструктажа, но Октябрьский молчал.

– Значит, не раскрываю рта, на вопросы отвечаю коротко, по команде бью апперкотом. Понятно. Дальше что?

– Да ничего, – усмехнулся Октябрьский, одобрительно глядя на младшего лейтенанта. – Вот и вся твоя роль.

– Ничего себе главная! – разочарованно протянул Егор. – Типа «кушать подано», что ли?

– А ты хотел, чтоб я тебе, желторотому, доверил вербальное пульпирование матерого абверовского агента?

«Вербальным пульпированием» на спецжаргоне назывался первичный словесный контакт с малоизученным объектом, чтобы с ходу сдиагностировать его статус, характер, степень опасности. Для этой ювелирной работы требовалась безошибочная интуиция, опыт, быстрота реакции.

– Ну не пульпирование, конечно, но, может, хоть подыграть вам как-то… Сказать что-нибудь, для естественности, для непринужденной атмосферы…

– Я тебе скажу! Ночь, у всех нервы на пределе, парашютист после приземления вообще еще не понял, на каком он свете. Какая к лешему естественность! И потом, Дорин, в хорошем театре маленьких ролей не бывает. Про систему Станиславского слышал? Даже если артист только говорит «кушать подано», он должен про свой персонаж всё в доскональности знать: биографию, черты характера, пристрастия. Вот этим мы с тобой сейчас и займемся. Как говорил товарищ Станиславский: «Верю – не верю». Надо, чтоб ты себя вел убедительно, иначе зритель тебе не поверит. А зритель будет особенный. Если сыграешь плохо, он не в буфет уйдет, пиво пить, а начнет садить с двух стволов, прямо в брюхо.

Октябрьский ткнул Егора твердым пальцем в живот и засмеялся.

Глава четвертая

Операция «Подледный лов»

В Москве было тепло, и по мостовым бежали ручьи, а прибыли в Шатуру – будто уехали не на 120 километров, а на две недели назад, когда весной еще и не пахло. На улицах городка еще кое-где серели сугробы, а окрестные поля и вовсе были белыми.

Пока что обосновались в горотделе госбезопасности, который занимал две комнаты в местном отделении милиции. Место было удобное – окна выходили аккурат на станцию, куда должен был прибыть гауптман Решке.

Октябрьский, развалясь в кресле, болтал ногой в белой бурке, курил папиросы, по телефону разговаривал благодушно и, пожалуй, даже лениво. Никакого напряжения в старшем майоре не ощущалось, зато Егор сидел как на иголках и поминутно наливал себе воды из графина.

Пока ехали в радиофицированной машине (Егор про такие слышал, но своими глазами видел впервые), начальника спецгруппы все время вызывала Эн-Эн, служба наружного наблюдения, докладывала.

В 18.50 Решке вышел из посольства; петляет, пытается уйти от слежки; дали ему оторваться от двух обычных «хвостов», но сегодня его ведут еще восемь дополнительных.

В 19.15 гауптман встретился на Казанском вокзале с двумя мужчинами, оба одеты в брезентовые плащи с капюшонами, меховые сапоги, за плечами по большому рюкзаку, в руках рыболовные снасти. Один опознан сразу – Леонгард Штальберг, сотрудник представительства «Фарбен-Индустри». Проходит по разработкам как агент германских спецслужб. Второго устанавливают. Штальберг достал из рюкзака еще один плащ, отдал Решке.

Сели на шатурский поезд. В 19.20 отбыли. В электричке решено наблюдение не вести – в вагоне мало народу. Но с каждой станции старшему майору радировали, а потом, когда Октябрьский обосновался в горотделе, звонили по телефону – автомобильная радиосвязь за пределами Москвы все-таки работала неважно, с перебоями.

В 20.20 из картотеки Третьего отдела сообщили, что третий «рыболов» установлен. Это некий Гуго фон Лауниц, инженер из московской конторы «Люфтганзы».

– Любопытно, – сказал на это Октябрьский. – Такой по нашему ведомству не проходил. Значит, до сих пор считался чистеньким.

В комнате неотлучно находился начальник горотдела лейтенант Головастый. Фамилия звучала, как прозвище – не потому что лейтенант выглядел большим умником, а потому что голова у него и в самом деле была здоровенная, с оттопыренными красными ушами. Шатурец нервничал – боялся ударить лицом в грязь перед высоким столичным начальством.

– Святое озеро, оно большое, площадь 312 гектаров, береговая линия около 9500 метров, – сыпал он цифрами, демонстрируя профкомпетентность. – С двух сторон к воде подходит лесной массив. Опять же торфяные болота. Они, правда, еще не оттаяли… Я вот тут на карте, товарищ начальник, места пометил, куда удобней выброс производить.

– Отстань, Головастиков, – отмахнулся старший майор, который всё время перевирал фамилию лейтенанта. – Они нас сами отведут, куда надо. Сходи лучше, проверь, как там группа захвата.

Егор группы не видел, знал только, что прибыла она около девяти и скрытно расположилась в каком-то пакгаузе. К Октябрьскому с докладом явился командир – подтянутый парень с подкрученными усиками, по званию младший лейтенант госбезопасности, фамилию Егор не разобрал и про себя окрестил командира Поручиком.

Октябрьский спросил только:

– Сапера не забыли? Ну-ну. Ступайте. Действовать согласно инструкции.

Зачем ему, интересно, сапер?

С вопросами Егор не лез. Только смотрел и слушал. Экипировали его на Лубянке так: ватник, резиновые сапоги поверх шерстяных носков, ушанка. Всё впору, движений не стесняет. Еще дали тонкую, но исключительно теплую фуфайку.

– Надевай-надевай, – велел Октябрьский. – Неизвестно, сколько будем в снегу топтаться, а ночной прогноз на Шатуру минус два.

Сам начальник был одет элегантно: дубленая куртка со шнурами, щегольские бурки, меховое кепи с козырьком. Прямо иностранец.

В 22.28 позвонили с соседней станции «Шатурторф»: встречайте гостей, через три минуты будут у вас.

Егор глотнул воды – в последний раз. Вскочил, стал застегиваться.

– Едет, едет, едет к ней, едет к любушке своей, – пропел Октябрьский приятным баритоном. Настроение у него улучшалось с каждой минутой.

– Вот она, настоящая жизнь, – потянулся он. – Ну-ка, Дорин, погаси свет и отодвинь шторы. Будем кино смотреть. Немое.

Дорин уже знал, что все, сходящие с поезда, проходят через площадь, мимо окон отделения. Головастый распорядился отремонтировать один уличный фонарь, в остальных поставить лампы поярче, так что освещение было подходящее, маленькая площадь просматривалась как на ладони. На случай если немцы вздумают спрыгнуть с перрона и идти через пути, на той стороне дежурили сотрудники – дадут знать.

Раздался шум приближающегося поезда.

– Товарищ старший майор, может, все-таки выдадите оружие? – спросил Егор.

– Твое оружие – апперкот, да и то исключительно по команде… Ага, вот они, голубчики. Прибыли.

Через площадь, в негустой толпе, шли трое мужчин в широких плащах, у двоих на плечах удочки и сачки, у третьего коловорот для подледного лова. Егор так и прилип к стеклу, стараясь разглядеть шпионов получше.

– «Три фашиста, три веселых друга, экипаж машины боевой», – промурлыкал старший майор. – Долговязый – Решке. Очкастый – Штальберг. Методом исключения устанавливаем, что носатый – это фон Лауниц. Хорошее у него лицо. Слабое. Вот с ним и поработаем.

Последнее было сказано вполголоса, про себя.

Стук в дверь. Вернулся Головастый.

– Всё нормально, товарищ начальник. У группы готовность номер один, цепочка оповещена по всему периметру. Как говорится, но пасаран.

– Что ж, веди нас, доблестный идальго, – сказал ему Октябрьский, надевая кепи. – Ночной зефир струит эфир, шумит, поет Гвадалквивир.

Егор впервые участвовал в настоящей оперативной слежке, и была она странная, совсем не такая, как учили в ШОНе.

Они со старшим майором просто шли сначала по улице, потом через поле по утоптанной снежной дорожке. Не маскировались, не прятались, визуального контакта с объектом не имели.

Вел немцев кто-то другой, кого Дорин и не видел – лишь точечные световые сигналы из темноты. По этим коротким вспышкам они трое (Егор, Октябрьский, Головастый) и двигались, а сзади бесшумно скользили тени в грязно-серых маскхалатах, группа Поручика.

После полей начался лес, довольно густой. Километров пять прошли, не меньше. Над головой светилась полоса неба – там плавала луна, помигивали звезды. Поднялся ветер, холодный.

– Понял я, товарищ начальник. Это они на просеку метят, – сказал Головастый. – Ее под линию электропередачи прорубили. Удобное место для сброса, я его сразу на карте пометил, честное слово. Просека широкая, метров семьдесят. По краям ельник, развести костры – не видно. А главное, прямо в озеро упирается. Лед еще крепкий, в принципе может и самолет выдержать, если небольшой.

– Ага, так он тебе и сядет, держи карман шире. – Октябрьский задрал голову. – Не повезло гауптману. Ночь лунная. Зато летчик будет доволен. И парашютисту легче, если, конечно, груз – это человек.

Огонек впереди мигнул два раза, потом еще два.

– Остановились. Ну-ка, теперь осторожно.

Старший майор отшвырнул папиросу, пригнулся и двинулся вперед мягко, плавно, так что и снег не хрустел.

Егор с лейтенантом последовали примеру начальника, сзади бесшумными прыжками догнал Поручик.

Лес впереди посветлел. За елями открылось голое пространство, справа расширявшееся и сливавшееся с белесым небом – очевидно, там было озеро.

На снегу отчетливо выделялись три фигуры. Доносился звук тихих голосов, вспыхнула спичка, звякнула крышка термоса.

– Что это они хворост не раскладывают? – прошептал Головастый. – А костры?

– Ложись, – приказал Октябрьский. – Представьте себе, что мы в Гагре, на пляже. Дорин, справа от меня. Головачов, слева. Подъяблонский, ты сзади.

Вот как, оказывается, звали Поручика.

– Не Подъябло?нский, а Подъя?блонский, – обидчиво поправил он. – Сколько раз говорить, товарищ старший майор.

– Ну извини, – хмыкнул Октябрьский.

Бойцы группы захвата залегли шагах в десяти, густой цепочкой. Ни звука, ни разговоров – слились со снегом и как нет их.

Полежали так с полчаса. От земли пробирало холодом, даже сквозь ватник и теплую фуфайку.

Потом Поручик шепнул:

– Летит!

Через несколько секунд Егор тоже услышал ровный, медленно приближающийся гул, а еще полминуты спустя уверенно сказал:

– «Дуглас», «Ди-Си»-третий. Транспортно-пассажирский, двухмоторный. Мы их тоже выпускаем, по лицензии. У нас он «Пэ-Эс»-84 называется. Идет где-то на 3000 метров. Скорость, по-моему, немного за двести, крейсерская.

Поручик уважительно на него покосился.

– Хорошо иметь рядом специалиста, – похвалил Октябрьский. – Ишь ты, конспираторы, даже о марке самолета позаботились. Обычно для сброса они обходятся «юнкерсами». В Абвере-2, на базе группы «Т», имеются иностранные самолеты всех марок, но зазря их не гоняют, только в особых случаях. Значит, груз действительно особой важности.

Немцы на просеке засуетились, встали в линию, метрах в тридцати друг от друга.

Октябрьский заметил:

– Понятно, почему костров нет. Фонарями сигналить будут. Оно проще, и следов не останется.

И точно: над головами агентов вспыхнули три ярких пятна – то загорятся, то погаснут.

– Пора, товарищ начальник? – выдохнул Головастый.

– Не пора. Пусть сначала груз сбросят. Не понравится летчику что-нибудь, улетит, а мы зря дров наломаем. – Старший майор приказал поручику: – По три бойца на каждого. Двое берут, третий подхватывает фонарь и держит, помигивая. Только не вспугните.

– Ничего, – спокойно ответил тот. – Они сейчас вверх смотрят, и слух нацелен не на периферию, а на звук мотора.

Подъяблонский уполз в темноту, а старший майор достал из-под куртки необычного вида бинокль и стал смотреть в небо.

– Это ночного видения, да? – шепнул Егор.

– Да. Причем с дальномером… Всё правильно, высота три сто. Молодцом, товарищ военлёт… Пошел на второй круг… Замедлил ход. Сейчас сбросит… Есть! Парашют раскрылся… Это человек! Дорин, сколько времени он будет спускаться?

– С трех тысяч? Если б не ветер, то десять минут. А с ветром… – Он прикинул скорость – пять метров в секунду, плюс-минус. – Минут тринадцать.

Старший комиссар отшвырнул бинокль в сторону, обернулся, энергично махнул.

Из ельника метнулись серые, едва различимые тени – это пошла группа захвата.

Октябрьский скороговоркой объяснил, не сводя глаз с просеки:

– Раз парашютист – понадобится пароль. У нас тринадцать минут, чтоб его добыть… Хорошо взяли, чисто!

Три световых пятна на поляне качнулись совсем чуть-чуть и снова восстановили прямую линию, слаженно замигали.

– Вперед!

Старший майор так рванул с места, что Егор сразу отстал, а местный чекист и вовсе трюхал далеко позади.

Каждого из немцев держали двое бойцов – вмертвую, на глухой зало?м. Раздавались стоны, сдавленное кряхтение.

– Следи за временем, – бросил Октябрьский и ткнул пальцем в долговязого гауптмана. – Эй, вы! Пароль для парашютиста!

– Я немецкий дипломат, – прохрипел согнутый в три погибели Решке. – Я третий секретарь посольства. Требую консул. Какой парашютист? Мы с друзьями идем на рыбалка…

– Пароль! – перебил его старший майор. – Иначе прикончу.

– Не посмеете!

– Пошли люди ловить рыбу да под лед провалились. Обычное дело. Ну-ка, в воду его. Башкой!

До берега было метров десять. У самой кромки лед подтаял, между белой коркой и серым песком чернела полоса воды.

Гауптмана поволокли к озеру, сунули головой под ледяной край. На помощь подоспели еще двое бойцов, навалились немцу на ноги. Решке бился, плескалась вода.

– Тех двоих подвести ближе, пусть полюбуются! – крикнул Октябрьский, не оборачиваясь. – Дорин, время!

Егор посмотрел на часы. Рука ходила ходуном, голос предательски дрогнул:

– Полторы минуты!

Он оглянулся на немцев. Выражение лиц у них было одинаковое: смесь недоверия и ужаса.

Один из солдат, державших фонарь, покачнулся.

– Держи, мать твою! – рявкнул Поручик. – Если нервишки слабые, служи в балете!

Перед глазами у Егора был светящийся циферблат. Секундная стрелка медленно перебиралась с деления на деление.

– Вынуть, товарищ начальник? – спросил Головастый, переминавшийся с ноги на ногу у самого берега. – Может, теперь скажет?

– Я тебе выну! Дорин, время!

– Три минуты!

Гауптман больше не бился, ноги нелепо расползлись в стороны.

– Пускай валяется, – приказал Октябрьский.

Бойцы встали, растирая заледеневшие руки. Неподвижное тело осталось лежать, погруженное в воду до пояса. Егор сглотнул. Фрица, наверное, еще можно было откачать. Неужто старший майор не прикажет вытащить?

– Теперь вон того, Лауница!

Носатый немец взвизгнул, и Егор вспомнил, как Октябрьский тогда сказал: «Хорошее лицо. Слабое. Вот с ним и поработаем».

– Пароль!

Лицо фон Лауница прыгало, губы дрожали. Сейчас, сейчас расколется! Но нет, немец молчал.

– Четыре минуты тридцать секунд, – доложил Егор.

Вдруг очкастый (как его, Штальберг) крикнул:

– Я! Я скажу пароль! Только условие – его тоже… – И мотнул головой на фон Лауница. – Под лед. Сами понимаете…

– Понимаю, – кивнул Октябрьский.

Подошел, придвинулся к Штальбергу вплотную. Шепотом спросил:

– Ну?

Тот едва слышно выдохнул:

– «Фау-Цет».

– Ясно. – Старший майор сосредоточенно смотрел очкастому в глаза. Потом приказал. – Этого тоже под лед.

Отчаянно упирающегося Штальберга поволокли к берегу, сунули головой в воду, и кошмарная сцена повторилась.

– Зачем?! – не выдержал Дорин.

– А ты на носатого посмотри, – вполголоса ответил Октябрьский.

Фон Лауницу, похоже, отказали ноги – он висел на руках у бойцов, губы дергались, ресницы часто-часто моргали.

– Время?

– Восемь минут сорок секунд.

Штальберг лежал точно в такой же позе, как Решке, по плечи погруженный в воду. Судороги уже кончились.

– Пароль? – спокойно обратился Октябрьский к последнему из немцев.

Тот зажмурился, но кобениться уже не стал.

– Скажу, скажу! Ли… Линда!

– Что и требовалось доказать, – наставительно посмотрел на Егора старший майор. – А то «Фау-Цет»… Так, пароль есть. Где наш херувимчик?

Поручик, оказывается, успел подобрать бинокль ночного видения и не отрываясь смотрел вверх.

– Он, товарищ начальник, хитрый. Стропы тянет, на лед спуститься хочет. Чтоб обзор у него был, подходы просматривались. Хреново. Группе не подойти. Какие будут приказания?

– Как это он не боится, что лед проломится? – удивился Головастый, хотя сам не так давно говорил, что на озеро может и самолет сесть.

Судя по кромке, ледяной покров был сантиметров семьдесят – восемьдесят. Ходить и даже подпрыгивать – сколько угодно, а вот если с размаху плюхнется парашютист…

– Что это там чернеет? – спросил Поручик, глядя через бинокль на озеро. – Вон там. Часом не остров?

– Точно! – подтвердил Головастый. – Островок. Маленький, метров тридцать в поперечнике.

– Туда он и целит. Усмотрел сверху. Ишь, мастер парашютного спорта.

Егор небрежно сказал:

– И ничего особенного. Я бы тоже приземлился. При пятиметровом ветре – запросто. Если б остров был метров десять, тогда, конечно…

– Значит, так, – прервал дискуссию Октябрьский, очевидно, уже принявший решение. – Дорин, идешь со мной. Остальным оставаться на берегу. До моего сигнала… Или до выстрелов. Этому, – показал он на поникшего фон Лауница, – кляп в рот. На всякий случай.

Вдвоем перепрыгнули через полосу воды на лед, быстро зашагали. Под ногами похлюпывало, несмотря на минус два. Еще пару дней теплыни, и завздыхает

покров, треснет.

Парашютиста было видно уже невооруженным глазом. По серебристому небу скользил белый конус, спускаясь к темному пятну островка. Похоже, приземлится раньше, чем мы дотопаем, прикинул Егор. Идти было метров триста.

– Linda, Linda, mein Scha-atz…[5 - Линда, Линда, сокровище мое… (нем.)] – напевал Октябрьский на мотив «Светит месяц, светит ясный».

И Егору было совсем нестрашно. Не то что несколько минут назад, на берегу, когда топили шпионов.

– Товарищ старший майор, а как вы догадались, что Штальберг набрехал про пароль?

– Я его досье помню. Зубастый волчище. Железный крест у него за Испанию. Такой легко не сломается. К тому же литературу надо знать. Балладу «Вересковый мед» читал? Про то, как шотландцы хотели выведать у отца с сыном особо секретные сведения? А старик им велит сына убить – тогда, мол, скажу. Они, дураки, послушались.

Правду сказал я, шотландцы,

От сына я ждал беды,

Не верил я в стойкость юных,

Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен,

Пусть со мною умрет

Моя святая тайна,

Мой вересковый мед.

Вот и островок: слева обрывистый берег, справа пологий; сухая трава, черные кусты, на них – белое полотнище парашюта. Человека не видно. Наверное, залег.

Держит на мушке.

– Ну-ка, Дорин, крикни с убедительным баварским подвыванием: «Fehlt Ihnen was?»[6 - Вы целы? (нем.)]

– Вы целы? – заорал Егор, приставив ладонь ко рту.

От земли отделилась тень. Высокий мужчина, в шлеме и комбинезоне. Точно – в руке пистолет. Кажется, 712-ый маузер, бабахающий очередями.

– Мы беспокоились, что вы угодите в полынью, – возбужденно воскликнул Октябрьский на своем чудесном немецком. – Вон она, совсем близко!

Под самым берегом действительно темнела вода.

– Ничего, – отозвался парашютист. – Сверху ее было хорошо видно. Пароль назовите.

А говорит он по-немецки нечисто, заметил Дорин. Бегло, но с акцентом.

– Марта, то есть Магда. Ах нет, шучу. Линда. Малышка Линда, – засмеялся старший майор, карабкаясь по склону. – Паршивая память на женские имена. Помогите-ка.

Шпион спрятал пистолет, нагнулся с крутого откоса и рывком вытянул их наверх – сначала одного, потом второго.

– Зашибли? – спросил Октябрьский, кивая на левую руку агента, плотно прижатую к боку.

– Немного, локоть. Ерунда, перелома нет. Но скатать парашют не сумею. Помогите. А потом кинем в воду.

– Ну-ка, Руди, – подтолкнул старший майор Егора, – давай в четыре руки. Это мой помощник, – объяснил он парашютисту. – Между прочим, служил в Люфтваффе. С парашютами управляться умеет.

Тот кивнул. Теперь он повернулся лицом к лунному свету, и Дорин разглядел широкое лицо с приплюснутым носом, прищуренные глаза. Агент беспрестанно поводил шеей, оглядывая белый простор. Но там было пусто и тихо, только шелестел ветер.

Сняли парашют с кустов, высвободили стропы, в два счета скатали.

Немец, или кто он там, стоял чуть поодаль, наблюдал. Ногой придерживал рюкзак.

Сейчас товарищ старший майор начнет его пульпировать, знал Егор. Перед арестом нужно вытянуть из фашиста как можно больше информации.

– Не болтало? В воздухе? Прогноз был неважный, мы с полковником Кребсом беспокоились, – приступил к делу старший майор, как бы ненароком упомянув заместителя военного атташе, который, по сведениям Органов, имел в германской разведке более высокий статус, чем его начальник.

Агент промолчал.

Подтащили парашют к обрыву, скинули в воду. Громкий всплеск, черные брызги, потом белая пена. Надо же, под самым берегом, а не мелко.

– Что же мы не познакомимся? – сказал Октябрьский, поворачиваясь. – Это, как я уже сказал, Руди. Ну а я гауптман Решке. Приветственная депутация в полном составе. А кто вас провожал? Вы откуда вылетели – из Мишена или из Штеттина? Ну, будем знакомы.

И протянул руку.

Из инструктажа Дорин знал, что заброской агентов в СССР сейчас занимается Абверштелле (то есть, региональное управление) «Кенигсберг», с разведшколой и аэродромом в прусском местечке Мишен, и Абверштелле «Штеттин». Про первое подразделение мало что известно, про второе информации вообще ноль.

Широко улыбнувшись, парашютист подал правую ладонь и вдруг резко качнулся вбок. Левая рука, якобы ушибленная во время приземления, согнулась в локте,

тускло блеснула черная сталь. Ярко полыхнула вспышка, слившись с грохотом выстрела, но Октябрьский каким-то чудом успел ударить по дулу, и пуля ушла в землю.

Старший майор схватил пистолет за ствол, крикнул:

– Егор!!!

Дорин рванулся, но парашютист выпустил пистолет, отпрыгнул назад и, крякнув, влепил Октябрьскому ногой в грудь.

Старший майор, взмахнув руками, рухнул с крутого берега – судя по всплеску, прямо в прорубь. Однако смотреть в ту сторону было некогда – правой рукой агент уже рвал из кармана маузер.

– Лында! Хады чекистские! Поубываю! – яростно хрипел перекошенный рот.

Украинец, успел подумать Егор, налетая на противника. Для начала зацепил апперкотом в подбородок и сразу провел серию быстрых ударов: в корпус, в корпус, в корпус, в лицо, в лицо, в лицо.

От последнего, завершающего, парашютист опрокинулся навзничь, маузер отлетел в сторону, но Егору всё казалось мало.

Прижав руки упавшего к земле коленями, он молотил наотмашь, как никогда в жизни. На ринге или в драке он всегда сохранял хладнокровие и ясность мысли, а тут потемнело в глазах, уши будто заложило. Дорин сам не слышал, что при каждом ударе выкрикивает:

– На! На! На!

Кто-то схватил его сзади за плечи, отшвырнул.

Над Егором стоял старший майор, мокрый и перепачканный землей.

– Ты что?! Убьешь! А ну посвети.

Стуча зубами от возбуждения, Дорин достал из кармана фонарик.

Агент лежал, закатив глаза. Вместо лица – кровавая каша: нос свернут на сторону, сломанная челюсть полуотвисла, меж разбитых губ блестят осколки зубов.

– Вроде живой… Просто отключился. Эк ты его, – покачал головой Октябрьский, щупая пульс. – Неинтеллигентный ты человек, Дорин. Не умеешь обращаться с иностранцами.

Хоть с него ручьем лила вода, но голос был спокойный, всегдашний, и от этого Егор окончательно пришел в себя. Огляделся вокруг. Увидел, как по льду бегут черные фигуры – услышав выстрел, группа сорвалась с места.

– Он не иностранец, он украинец, товарищ старший майор.

– Вот как? Вы даже успели поболтать? Что еще он тебе сообщил?

– Ничего. Линда, говорит, гады чекистские, поубиваю. Но говор украинский, сто процентов. Чего он вдруг стрелять-то стал?

Октябрьский сокрушенно почесал скулу.

– Чего-чего… Дурак я, вот чего. Наврал, выходит, Лауниц про Линду-то. Хорошо хоть этот нас с тобой сразу не завалил. Очень уж в себе уверен был. Нас только двое, а у него в левой руке ствол… Эй! – крикнул он, оборачиваясь к озеру. – Лауница притащили?

– Так точно, здесь он! – откликнулся Поручик, он уже был под самым обрывом. – Что у вас, товарищ начальник?

Не ответив, Октябрьский стремглав сбежал вниз по короткому, но крутому склону. Оттолкнул Поручика и Головастого, распихал бойцов и подлетел к

носатому немцу, которого волокли в самом хвосте.

– Линда, значит, Линда? – пронзительно крикнул он.

Егор был уверен, что старший майор ударит немца, фон Лауниц тоже – он сжался, дернулся назад, однако конвоиры держали крепко.

Но Октябрьский не ударил. Упер руки в бока, с любопытством наклонил голову.

– Зачем наврали?

Оставив бесчувственного парашютиста на попечении Поручика, Егор спустился на лед – послушать, что ответит немец.

Тот долго молчал. Наконец, глядя себе под ноги, сказал:

– Все равно убьете. Не консула же вам вызывать, после того, как вы утопили дипломата и представителя «Фарбен-Индустри»…

Фон Лауниц покосился куда-то в сторону и снова быстро опустил голову.

Это он на полынью, догадался Егор и поежился. Неужели опять?

– Логика понятна, – кивнул арестованному Октябрьский. Он снял бурку, вылил из нее воду. Проделал то же со второй. Поглядел на конвоиров. – Что смотрите? В воду его.

И скинул куртку. Ему набросили на плечи сухой полушубок.

– А-а! Не надо! Ради Бога! – задохнулся криком фон Лауниц, тщетно попытался упереться ногами, но каблуки скользили по льду.

Немца повалили у края, сунули головой в воду.

Егор почувствовал, что в третий раз этого зрелища не вынесет. Отвернулся – хоть и было стыдно собственного слюнтяйства.

– Отставить! – приказал старший майор. – Давайте его сюда.

Фон Лауница усадили на лед. Он хватал воздух ртом, мокрые волосы прилипли ко лбу.

Подойдя, Октябрьский сел на корточки, заговорил мирно, рассудительно:

– Я вот что подумал. Раз вы наврали с паролем – значит, вы человек с характером. Это хорошо. Жить, судя по воплям, вам хочется. Это тоже неплохо. Значит, у нас есть база для сотрудничества. Решайте сами: работаете со мной или предпочитаете назад, в полынью.

Немец закрыл глаза. По лицу прошла судорога.

– Нет… Нет! Что вы хотите? Что я должен сделать?

– Дайте ему шапку, а то простудится. Волосы вытрите! Вот так… – Старший майор похлопал фон Лауница по плечу. – Скажете полковнику Кребсу, что парашютиста отнесло ветром на озеро и лед не выдержал. Вы трое побежали его спасать, под Решке и Штальбергом лед подломился. Вы не могли спасти всех троих, выбрали парашютиста. Причем вытащили не только его самого, но и рюкзак. Куда вы должны были доставить гостя?

– На конспиративную квартиру. Кузнецкий мост, 19.

– Ишь, наглецы, – удивился Октябрьский. – Это же в ста метрах от Лубянки!

– Наглость тут ни при чем, – будто оправдываясь, стал объяснять немец. – Видите ли, в том районе эфир перенасыщен радиосигналами. Идущими из вашего ведомства. Еще один будет незаметен. Это удобно.

Старший майор удовлетворенно улыбнулся:

– Значит, наш хлопец – радист. Имелась у нас такая версия. А скажите, Лауниц, какой все-таки был пароль?

– «Фау-Цет».

Покосившись на Егора, Октябрьский виновато развел руками:

– Вот тебе и вересковый мед. Горе от ума, на старуху бывает проруха, век живи – век учись, чужая душа потемки, а также прочие народные мудрости… Ладно, не будем посыпать голову пеплом. Работа не окончена. Идем со мной, Дорин, ты мне понадобишься.

А фон Лауницу сказал напоследок, жестко:

– Вы только не вздумайте нарушить наш уговор. Факты есть факты: «груз» мы взяли, явку на Кузнецком вы сдали. Поверьте, вам во всех смыслах будет приятней идти по жизни с нами.

И с разбега влетел на кручу.

– Ну что тут, Подъяблонский? Очухался этот?

– Я Подъя?блонский, товарищ начальник. Нет, лежит. Прикажете дать нашатырю?

– Сам. Ты мне сапера подошли.

Старший майор взял едко пахнущий пузырек, наклонился над радистом. У того всё еще шла носом кровь, из разинутого рта вырывалось хриплое дыхание.

– Я сапер, товарищ начальник, – доложил подбежавший боец с кожаной сумкой за плечами, похожей на школьный ранец.

– Возьмите рюкзак. Проверьте на наличие мины. У Абвера новая мода: перед сбросом груза заводят часовой механизм. Если агент разбился или схвачен, через сорок минут или через час взрыв. Мы так 19 февраля под Каунасом трех ребят потеряли. Да не здесь копайся! – прикрикнул он на сапера, начавшего расстегивать рюкзак. – Подальше оттащи, а то подорвешь дорогого гостя. И меня заодно.

Прежде чем сунуть пузырек под нос парашютисту, Октябрьский сказал:

– Ну, Дорин, до сих пор были цветочки. Ягодки начнутся сейчас. Не сломаем его сразу, пока мозги не встали на место – потом труднее будет. Момент оптимальный. Шок, воля от потери сознания ослаблена. Ты нагнись, чтоб он тебя видел. И сооруди рожу поужасней.

Дал нюхнуть пленному нашатыря – тот дернул головой, страдальчески простонал, захлопал глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Любите поэзию? (нем.)

2

Что в школе учил, помню. На память не жалуюсь (нем.).

3

Чего с нас взять, мы люди простые (бавар.).

4

Вот это здорово! (бавар.)

5

Линда, Линда, сокровище мое… (нем.)

6

Вы целы? (нем.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/boris-akunin/shpionskiy-roman

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить